

18+

Лена Тулинова
Нет музыки
в аду

18+

Лена Тулинова

Нет музыки в аду

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Нет музыки в аду / Л. Тулинова — «Автор», 2026

В городе Лудигане убивают поющих женщин. То певичку из ресторана, то монахиню. А детектив Джосс Клейборн терпеть не может, когда убивают женщин. Певице Сэйди Браун тоже грозит смертельная опасность. Тому, кто вышел из глубин преисподней и пытается присвоить себе магию музыки и чужих дарований, так непросто противостоять! Кто же поможет Сэйди? Кому ей довериться: немолодому и циничному Клейборну со странностями или верному другу Донни с его большим и любящим сердцем? Кто выйдет сражаться с демоном из ада один на один? Кто бы это ни был, ему стоит помнить, что он на самом деле не одинок. С ним и музыка, и вера, и любовь. Возрастной рейтинг 18+ (сцены употребления алкоголя)

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Нет музыки в аду

ГЛАВА 1. Джосс

В церкви было тихо. Четыре пополудни, будний день. В это время здесь всегда царила тишина. Именно такие часы и выбирал для посещения Джосс Клейборн. Он не возносил молитв к Высокому Лорду, не преклонял колен перед его Сыном, не потел в крошечной исповедальне, не слушал нудные мессы проповедников.

Он спал.

«Только в храме и можно выспаться спокойно, – говаривал пятидесятилетний Джосс, когда его спрашивали об этой странной причуде. – Даже старый Безбожник не убивает в церквях!»

Джосс точно знал, о чем говорит. Наёмный убийца, старейший в Бентии, выследив жертву, прекращал её преследование, если та вдруг оказывалась у порога храма. И лишь когда жертва, очистившись от мирской суеты, умиротворённо выходила с праздничной службы, мог выстрелить. Но только не раньше, чем жертва отойдёт от церкви хотя бы на пару десятков ярдов.

Итак, Джосс Клейборн спал. Помощница пастора, монахиня из святого ордена Девы, выглянув на секунду в молитвенный зал, тихонько вздохнула и вышла в кладовку. Оттуда она принесла вытертый клетчатый плед, насквозь пропахший церковными благовониями и запаннанный воском. Накрыла Клейборна, поправила съехавшую со скамьи ногу в тяжёлом ботинке. Села рядом и сложила руки, читая про себя Песнь об отпущении грешникам. Примерно на середине длинной и замысловатой молитвы дверь скрипнула.

– П-прости меня Милорд, – сказала святая сестра словно про себя, а затем произнесла уже громче. – Детектив! П-п-просыпайтесь!

Джосс открыл глаза и спросил ясным голосом:

– Женщина... Какого черта ты назвала меня детективом, греть тебя в душу?

– Кем ещё мне в-вас называть? – откликнулась монахиня без особого почтения в голосе.

– Бандиты не носят портупею с оружием, б-бродяги одеты немножко похуже, а на прочих вы походите и того меньше. Бляхи при вас не видно, но б-ботинки и кобура казённые, значит, вы не простой полицейский. Вывод п-прост: полицейский детектив. Дома не отдыхаете – то есть опасаетесь, что там вас ждёт засада. Возможно, спите в церкви не вп-первые, раз не смущаетесь и уснули крепко, но здесь ещё не обосновались, т-то есть даже церкви меняете время от времени. Не каждый день и не каждую неделю, иначе бы вы тут уже п-побывали. Одного не знаю: кто-то хочет убить вас из-за вашей честности или же наоборот, за отсутствие чести и с-совести.

По мере того, как помощница священника говорила, глаза Клейборна открывались всё шире.

– Женщина, а вот скажи мне, – произнёс он, – почему чиф Горден не даёт мне хотя бы вполовину таких смекалистых напарников, как ты? Всё какие-то мальчишки с соплями до колен. А самомнение и того длиннее.

– Б-быть может, ваш чиф хочет, чтобы они поумнели в п-процессе вашего наставничества? – улыбнулась монахиня, поглядывая на приоткрытую дверь. – Сколько обычно лет в-вашим ученикам?

– Напарникам. Призвание которых – прикрывать мою з... спину, подсказывать блестящие решения, когда я сам затрудняюсь придумать даже скучные, и, разумеется, следить, чтобы я не натворил дел. Обычно чиф нарочно находит таких, которые не могут ни того, ни другого,

ни даже третьего. Зато ябедничают. Сегодня вот мне выделили одного... Красавец, холостяк, сопляк.

Он уже проследил, куда посматривает миловидная, хоть и немолодая монашка. И говорил нарочно так, чтобы ни одно слово не пролетело мимо напарничьих ушей. Юнец как раз перестал топтаться у порога и подошёл ближе. Застенчиво перекрестился на изваяния Девы-Матери и ее Сына и сказал:

– Я искал вас, наставник.

Джосс то ли зарычал, то ли вздохнул, но напарнику не ответил. Поднялся со скамейки и крепко, по-мужски, пожал крепкую сухую руку помощницы священника. Та ответила таким же энергичным пожатием.

– Надоест подметать подолом святой паркет – милости прошу ко мне. Я государственный детектив из убойного, найдёшь без проблем, если есть мозги. А они у тебя есть. Баб у нас, конечно, на службе немного. Но так даже лучше: тебе точно обрадуются. Скрасишь нам существование.

– Нет, б-благодарю за доверие, – улыбнулась святая сестра. – Мне когда-то так много приходилось менять место работы, что я решила остановиться.

– Ну как знаешь. А только ты всё ж умнее, чем Бернс, взгреть его в душу трижды.

– П-приятно слышать, – на этот раз служительница не улыбнулась.

Просто сложила плед и собралась уходить.

– Святая сестра, а звать-то тебя как? – окликнул Джосс, напяливая на неопрятные и редёющие лохмы засаленную шляпу. – Вдруг я захочу с тобой поговорить?

– Если очень захотите, то вам не с-составит труда выяснить моё имя, детектив, – ответила монахиня.

– Хорошая женщина, – с чувством сказал Джосс Клейборн, выходя из церкви и натягивая на руки перчатки.

Было по-осеннему промозгло, хоть и ясно. Скоро уже вполне могли ударить первые заморозки. В такие дни у детектива особенно сильно ныли пальцы. Перчатки спасали от боли, по крайней мере, во время соприкосновения рук с холодными предметам: перилами, решётками, мостовой... мертвецами. Последних, правда, поблизости пока не было, да и хвала Милорду.

– Да. Хорошая женщина, – со вкусом повторил Джосс.

– Но она же монашка, – удивлённо ответил напарник. – Да и немолодая...

– И что? От этого она мужчиной не станет. Не лань, конечно, но и не ржавый кофейник вроде нашего с тобой чифа.

– Я не про то, – смутился Бернс.

– Женщина есть женщина, а всё остальное только условия, в которые её поставили, – махнул рукой Джосс. – Зачем ты приперся, рассказывай?

– Чиф Горден сказал, что вы ему нужны, – с безысходностью в голосе произнёс Бернс.

– А зачем, не сказал?

– Затем, что вы не сдали дело, детектив Клейборн.

– Ну так оно не закрыто, – ответил Джосс терпеливо.

– Ну как, – сказал напарник. – Установлено, что смерть Мэгги Дроссли наступила от несчастного случая, Гая Дроссли отпустили на свободу. А дело всё ещё в вашем кабинете. Не закрытое. Не сданное. Чиф просил – сдать.

– Понятно, – сказал Клейборн. – А ты что же? Меня искать побежал?

Бернс кивнул.

– Молодец, – выругался Джосс.

В его привычки не входили грязные словечки, ему всегда хватало интонаций. Прошлый напарник краснел, бледнел и заикался от «хорошо» и «прекрасно», как школьница – от самых солёных словечек.

Вот и сейчас Бернс весь съёжился и пробормотал, что ему необходимо закончить практику и получить значок полицейского, так что пусть детектив не сердится.

Детектив сердился – но, понятное дело, не на мальчишку, а на чифа Сэма Гордена. Мало того, что тот снова подsunул негодящего напарника, так ещё и отпустил на свободу завязанного негодяя и мерзавца. Ради чего? Ради того, чтобы тот пошёл и избил, а может, и убил другую женщину? Пускай Мэгги Дроссли не была ланью. Сучкой она была ещё той, если уж честно. Но детектив Джосс Клейборн больше всего на свете не любил, когда обижают женщин.

Бернс наверняка уже был в курсе этой истории, вон как разнервничался. Клейборн не стал его успокаивать.

– Я должен быть с вами неотлучно, – сказал Бернс – Это для вашего же блага. Так чиф сказал!

– Угу, – невнятно пробормотал Джосс. – Доносишь на меня?

– Что вы, как можно, – соврал Бернс.

Это было видно по увиливающему взгляду и честному-пречестному выражению лица.

– Иди домой.

– До конца службы ещё...

– Иди домой. Я найду к чифу и скажу, что ты пока на службе: следишь за мной в поте лица. Потом пойду в бар и напьюсь. А потом отправлюсь к себе, спать!

– А правда, что вы всегда спите лишь в церквях? – с любопытством пятилетнего ребенка спросил напарник.

– Только если хочу как следует выспаться. Иди, Бернс, иди. Дальше уж не твоя забота, что мне делать и где да с кем мне спать. Разве что чиф Горден велел тебе быть со мной неотлучно! Но учти: я снимаю квартиру у одной старухи, и там только одна кровать. Узкая, как спина гимназистки. Понял?

Бернс, видать, обладал пылким воображением. Да и кто в двадцать лет не умеет фантазировать? Разве что совсем уж глупые и отсталые, только такие на розыскной службе не задерживаются. В общем, юный напарник, наверняка едва закончивший только полицейскую двухлетнюю школу, а никакую не академию, как утверждал, отчаянно замотал головой. Потом, опомнившись, закивал. И только в конце этих движений головой сообразил сказать:

– Я буду обязан доложить о вашем поведении завтра утром!

– Вот! – Джосс тут же сделал движение, будто вот-вот расцелует сообразительного напарника, и тот шарахнулся в сторону, едва не сбив с ног прохожего. – Умник! Завтра! Непременно завтра с утра и доложи! Посетил церковь, пообщался с помощницей священника, немолодой, но умной, в отличие от некоторых, монашкой. Потом пошёл с докладом к любимому чифу, после чего отправился в бар, напился и домой – спать! Запомнил?

– З-запомнил, – заикнулся Бернс.

Но не как та женщина в церкви, а скорее просто от робости.

– Смотри не перепутай, – Клейборн похлопал парня по плечу и заторопился в участок. Неровен час, чиф Горден уйдёт, кофейный начальник!

Чиф Горден, который, кстати, был моложе Клейборна на пару лет, сидел за столом, вдохновенно решая кроссворд. На мужественном кофейно-коричневом лице горели желтоватые, словно у кота, глаза. Да и весь начальник внушал если уж не трепет, то по крайней мере уважение. Всем и каждому, кроме Джосса Клейборна. Тот к чифу привык, словно к артриту собственных коленей, и, признаться, терпел потому, что вместо него могли прислать какого-нибудь другого, менее сговорчивого начальника.

- Желаю здравствовать, ваша коричневая беспорочность, – гаркнул Клейборн.
- Я тебя ждал, – сухо ответил чиф Горден.
- Сэм, – расплылся в улыбке Джосс, и вряд ли улыбка эта его красила. – Счастлив тебя видеть в здравии и в своём уме.
- В чем, собственно, дело, что ты паясничаешь, детектив Клейборн?
- В том, чиф, что Гая Дроссли с какого-то перепугу вытащили из уютной чистенькой камеры и отправили в этот грязный, грешный мир, где ему не место, – заявил Джосс.
- Чиф посмотрел на Клейборна с интересом.
- И что ты будешь делать? – спросил он.
- Почему я должен что-то делать? – ответил Джосс вопросом на вопрос. – Гай восояси пошёл к себе домой, а я пойду к себе.
- Горден хмыкнул.
- Дело уже передали в архив, – предупредил он. – А за тобой присматривают. И берегись, Клейборн. Мне очень не хочется узнать, что ты – тот самый Ангел Мести, о котором толкует каждая шлюха!
- Джосс ухмыльнулся и сдёрнул с головы выдавшую виды шляпу.
- Посмотри на меня, Сэм. Я старый неудачник с одышкой и артритом. Ни золотых кудрей, ни прекрасного тела, ни белоснежной кожи – что там ещё малюют ангелописцы? Белые крылышки? Посмотри и скажи, видел ли ты хоть кого, кто меньше похож на ангела, чем я!
- Как брею эту коричневую рожу, так и вижу, – буркнул Сэм Горден. – Проваливай! И помни: я слежу. Ты у меня на прицеле.
- Клейборн выставил указательный палец и изобразил выстрел. Сэм, даже не поведя бровью, картинно уклонился от воображаемой пули и присвистнул.
- Мимо, мазила, – сказал он беззлобно. – Я сказал, проваливай.
- И найди мне настоящего напарника, чиф. Мне не нужен очередной сопляк. Я не нанимался в наставники.
- Сопляк смыслённый, да к тому же не такой уж юный. Ему двадцать четыре года и...
- И он был отличником, каждое воскресенье ходил в церковь, никогда не курил табак и даже не пробовал спиртное? – усмехнулся Джосс. – Ну так и не думай, что я смогу его научить пить и курить.
- Нового напарника не жди, – предупредил Горден. – И будь добр, являйся на службу вовремя. И уходи с неё как положено. Если, конечно, не на вызове. Завтра чтобы в восемь был на месте.
- А не то что? – ухмыльнулся Джосс, демонстрируя желтоватые, но крепкие зубы.
- А не то урежу жалованье. Вполовину. Будешь получать меньше, чем стажёры.
- Считал тебя другом, Сэм, вот до этой самой минуты, ей-богу, считал, – жалобно проговорил Клейборн и, посмеиваясь, вышел.

ГЛАВА 2. Дела

- Утро било в глаза невыносимым светом. «Завтра в восемь» наступило так быстро и радостно, что Джосс и опомниться не успел. Очнулся только когда Сэм окликнул его и, видимо, не впервые. Хорошо, что задремал Джосс только к концу его речи, иначе б и не понял ничего.
- Дело, как видишь, несложное, – сказал кофейный чиф, закрывая папку.
 - Джосс изобразил кислую гримасу:
 - Тогда почему именно я?
 - Так ты покажи напарнику, как дела делаются. Чтоб всё по правилам: принял, выехал, расследовал, сдал рапорт. Чтобы все улики вместе, чтоб все обыски при понятых, а допросы – с протоколами. Я ж знаю, что у тебя в бумажном плане всегда всё хорошо.

– Ага, обожаю протоколы, рапорты, отчёты и в особенности знаешь что, Сэм? В особенности люблю получать чек на премию. А премиальные за такое простенькое дельце ведь не дадут. Подумаешь, певичку придушили.

Чиф посмотрел на подчинённого внимательным и долгим взглядом. Джосс ответил взором, полным безразличия.

– Дай мне настоящее дело, а эту мелочь оставь для неудачников.

– Разжалую и отправлю тебя в дорожно-патрульную службу помощником какого-нибудь ушлого юнца, – пригрозил Горден. – Будешь знать, как препираться с начальством. Смотри сюда, Джосс. Я тебе говорю: поедешь и выяснишь, кто убил девушку. Другому я это дело всё равно не отдам. И смотри, ведомство внутренних расследований по Лудигану бегают, ищет Ангела Мести ещё по прошлым делам. Так что на убийства женщин они пристально глядят, будь осторожен. Особенно если за убийствами стоят мужчины...

– А я тут при чем? – сделал честные глаза Джосс.

Для этого ему пришлось высоко поднять брови, чтобы набрякшие веки смогли открыться пошире, являя миру ясные голубые очи. Ледяные озёра Тиоласки не были столь бездонны и кристально чисты, как эти глаза.

– Ты идёшь расследовать смерть женщины, и я предупреждаю, что к нему могут оказаться придирчиво внимательны другие ведомства, только и всего, – ответил Сэм. – Так что обстряпай дело быстро и чисто. Ну ты понял.

– Сэм, – обратился к нему детектив Джосс Клейборн, – ты меня лет двадцать знаешь, а я тебя.

– Деятнадцать, – поправил Горден, – да и до того слышал о тебе, какой ты наглый засранец и дамский угодник.

– Вот второе – это да, поэтому ты меня небось и послал на убийство бабы, – кивнул Клейборн.

Уж он-то понял. Как и чиф предупредил его не напрасно.

А на крыльце стояли и курили два парня из тех, кого только что назвали «ушлыми юнцами» – в тёмно-серой форме, при широких поясах, увешанных бирюльками. Тут и кобура с пистолетом, и рация, и дубинка, и жетон – всё в кучу. Знай успевай хвататься и не путай! Детектив относился к этим парням снисходительно, но то, что Бернс тёрся возле них, было ему не по нраву. Если мальчишка хотел приключений и слушал байки этих парней...

Разговоры они прервали так быстро, что и детективом не надо быть: Клейборн враз понял, что говорили о нём. Кисло кивнув молодому напарнику, он пошёл к служебной машине. Высокий и слегка забрызганный грязью мордатый «Твайлайт» тридцатого года выпуска ждал, как ещё лет двадцать пять назад ждали своих седоков терпеливые кони.

– Уже в курсе, куда едем? – осведомился Клейборн, садясь за руль.

– Прошу вас пересесть, детектив, – сказал Бернс, не давая ему захлопнуть дверцу. – Чиф Горден этим утром напомнил, что вы лишены водительских прав с сорок седьмого по сорок девятый год.

– Ну? А сейчас у нас какой?! – воскликнул Джосс, изображая удивление.

– Сорок восьмой, мистер Клейборн. Прошу пустить за руль.

– Ну ты ушлый, клянусь ушами Милорда, – хмыкнул Джосс, переваливаясь на соседнее сиденье. – Эх, а я-то думал, уже сорок девятый. Как это меня угораздило перепутать?

Перелезть было неудобно, мешали рычаги, но выходить из машины и огибать её Джосс поленился.

– Простите, мистер Клейборн.

– Детектив Клейборн, – поправил Джосс. – Поехали, парень. Кстати! Ты так и не сказал, в курсе ты или тебя ещё вводить в дело?

– В курсе, не надо, – ответил Бернс, неуверенно трогая машину с места.

Прекрасно, он ещё и водить позавчера научился.

– Тогда Расскажи вкратце, в чём там суть, красавец-холостяк. Куда едем, что будем делать и, главное, успеем ли управиться до обеда?

Бернс посмотрел на наручные часы и пожал плечами.

– Едем недалеко, на Ритер-авеню, там женщина задушена. До обеда, скорее всего, не справимся.

– Ну это мы посмотрим, – ухмыльнулся Джосс. – Так, ехать не слишком близко, да?

Бернс кивнул, не отрывая внимательного взгляда от дороги. В таком сосредоточенно-неуверенном состоянии всяким юнцам неудобно придумывать отговорки и врать, поэтому Джосс мог рассчитывать на относительно честные ответы.

– О чём болтал с патрульными? Обо мне?

– Да, детектив Клейборн, – не стал увиливать парнишка.

– Интересовался, сколько напарников до тебя я сжил со свету?

– Ни одного, – Бернс позволил себе улыбку, но не повернул головы.

И правильно. Но впереди принялся предупреждающе подмигивать светофор, и вскоре «Твайлайт» притормозил.

– А как же байки о том, что у меня каждые полгода по одному вот такому, как ты, красавцу-холостяку погибает?

– Байки, – ответил Бернс. – Погибли только двое. Один совсем молодой, ещё когда вам было по двадцать пять. И один – старше вас, такой же, видимо, как...

Он вежливо умолк, но Джосс кивнул.

– Такой же старый пень, как я, ты хотел сказать. Хотя как по мне, он был больше похож на другого пня, по имени Сэм, такой же кофейный, как эти парни с островов. Ну а что же тогда на этот раз тебе так азартно рассказывали патрульные?

Бернс пожал плечами.

– Болтали всякое. Мистер Клей... Детектив Клейборн, разрешите спросить лично вас? Чтобы избежать неточностей.

– Какого рода неточностей?

– Ну, как с десятками напарников, раз в полгода, – Бернс повернул голову, светло-карие глаза слабо блеснули – будто бы отражая что-то.

– Тронь-ка с места, – сказал Джосс, не поворачивая головы и надвигая пониже шляпу.

– Красный свет, детектив.

– Просто сдвинься чуток, и всё.

Бернс послушался – и едва не воткнулся бампером в машину, стоящую впереди.

– Отлично. Как только будет зелёный, гони.

– А...

– Там Слэттер. Вот он точно думает, что я напарников приношу в жертвы или ем на каждый праздник Возрождения, – сказал Клейборн. – Ты же видал вспышку? Тебя засняли. Теперь он переходит дорогу вон там. Попытается сфотографировать тебя ещё и с этой стороны, так что мы должны стартовать раньше, чем он прицелится. Нет, погоди, рано. Сдай-ка чуток назад. Только чуток, там сзади машина. Всё, теперь рванули, рванули, быстрее! Греть тебя в душу, Бернс, чего ты спишь?

– Но мистер Клейборн! Светофор...

Бернс едва сдвинулся с места – не больше, чем на полдюйма, и потому они оба были вознаграждены яркими вспышками. Причём в последний раз объектив едва ли не всунулся в приоткрытое окно, так что даже недотёпа Бернс успел увидеть журналиста Слэттера. Тот был худощавый, круглолицый, курносый и с поросьчкими глазками. Розовый, белобрысый – вылитый Хрюник из серии детских фильмов! Той, где детей играют взрослые, мальчиков – девушки, а сам Хрюник, поросёнок-везунчик – кукла, ведомая сразу двумя кукловодами. Зрелище душе-

раздирающее. Раньше Джосс Клейборн спал в кинотеатрах, так вот пару раз у него не было выхода, кроме как зайти на детский сеанс. Это оставило в его душе неизгладимое впечатление. Но нет, не Хрюник заставил Клейборна сменить место для сна! Просто в церквях было тише.

Зажегся зелёный, Джосс рывкнул на зазевавшегося Бернса. Твайлайт всё-таки сдвинулся с места, влился в общий поток автомобилей.

– Так какие неточности тебя страшат, Бернс? – спросил Джосс как ни в чем не бывало.

– Насчет женщин, – сказал напарник очень осторожно и тут же покосился на детектива с опаской. – Такие слухи ходят: будто вы не любите, когда женщин убивают.

– А кто-то любит, что их убивают? – нарочито удивлённо спросил Клейборн. – Или как?

– Нет... Такие слухи... Будто вы за мать свою мстите.

– Хм. Ну так слушай сюда, красавец-холостяк, – сказал Джосс. – Понятное дело, мать у меня убили. Лет десять назад – её очередной хахаль.

– Так ей же сколько было-то? – округлил глаза Бернс.

– А по-твоему, хахали только у юных дев бывают, что ли? – крякнул Джосс. – Или думаешь, у немолодой женщины путь один – в могилку? Она бы и ещё пожила, но только этот вот подлец всё испортил. Ну я, понятное дело, и раньше не был в восторге, что кто-то может взять и прикончить какую-нибудь несчастную. Но вот с той поры точно не люблю такого. Так что чиф знает: если убили женщину и непременно надо сыскать убийцу, самое верное – послать на такое дело меня. Особенно если это чья-то женушка или мамаша. Вот такие вот... мамкины поминки.

– А слухи ходят, что вы их убиваете.

– Кого? Женщин?! Врут.

– Нет... наоборот.

– А ты больше слухам верь, сопляк, – спокойно сказал Клейборн, делая вид, что не заметил поправку. – Женщину я в жизни ни одну не тронул, кроме как полюбовно. Чтоб я сам пошёл баб убивать? Это уж нет!

Бернс хотел то ли возразить, что не баб, а может, и как-то иначе продолжить беседу, но тут они оказались на Ритер-авеню, возле высокого здания с заплаканными дождём окнами. Фасад здания пестрел вывесками и рекламой, а первый этаж – полосатыми маркизами. Тут было не счесть лавочек и магазинчиков – Ритер-авеню находилась в торговом квартале. Патрульный на углу махнул детективу и Бернсу, указывая на проезд во внутренний двор.

У массивной двери с табличкой «Кафе «Орден», служебный вход» дежурили полицейские. Один из них придирчиво проверил жетоны Клейборна и Бернса, а затем сказал:

– Первые два этажа – это кафе и офис администрации, поднимайтесь на третий, в служебные квартиры. Там уже увидите, что к чему.

На лестничной площадке было сыро и стыло, но чисто. Осенний промозглый ветер задувал в распахнутое окно между лестничными пролётами. Пахло какой-то едой, женскими духами и неотвратимой бедой.

Дверь в квартиру, где произошло преступление, караулили еще два молодых человека в форме патрульных.

– Вы долго, – сказал тот, что постарше, и Клейборн нахмурился.

– Мы всегда вовремя, – буркнул он.

– Это служебная квартира администратора кафе «Орден», Кристофера Уинсли Свитхарта. По его словам, он собирался жениться на убитой, Джоан Рут Эванс. Сам Свитхарт сейчас находится внутри, в соседней комнате, под охраной двоих полицейских, – торопливо доложил второй патрульный, помолode, да таким звонким и в то же время нежным голосом, что Клейборн вздрогнул.

Ей-богу, не померещилось: точно баба! В брюках, при галстукке, поясе с оружием и форменном кепи – разве что вместо тяжёлых ботинок туфли с округлыми носами и на низком массивном каблуке.

– Я понимаю, что теперь женщины могут служить в полиции, но не на трупы же выезжать, – проворчал он. – Девчонкам тут не место. Еще б на перестрелки вас начали отправлять, тогда совсем уж... плохо будет.

– Приказ начальника отдела, мистер детектив, – ответил за напарницу парень. – Кто мы такие, чтобы спорить?

– Баб надо беречь, а не кидать их на такие дела, так своему кэпу и передайте, – буркнул Джосс. – Бабы ценный ресурс для нашей Республики, моя б воля, я бы их вообще до такой работы не допускал. Зачем женщине на трупы глазеть?

Девушка, кажется, обиделась. Но что Клейборну было до женских настроений? Как обидится, так и разобидится. Про то, что недавно он сам звал «бабу» в напарницы, он и позабыл.

В квартире было ещё свежее, чем на лестнице – кто-то распахнул все окна. Ветер трепал рыжеватые волосы девушки, полулежавшей в кресле с удавкой на шее. Коронер сидел на подлокотнике рядом с убитой, записывая что-то в блокноте, и время от времени поглядывал на тело.

– О, и вы здесь, детектив, – вяло сказал он. – Даже не представляю, чем вам здесь заниматься, всё просто, как пуговица с двумя дырками. Убита в районе от полуночи до часу ночи, предполагаемый убийца утверждает, что невиновен. Полицию вызвал сам, но почему-то только под утро. Теперь сидит, размазывает сопли. Ничего интересного! Разве что верёвочка любопытная!

«Верёвочка» и правда заслуживала отдельного интереса, хотя бы тем, что это был галстук-боло с зажимом в виде серебристого черепа. Данлоп аккуратно поддел удавку кончиком карандаша.

Бернс страдальчески икнул, когда после этого карандаш отправился в рот coronera. Клейборн знал, что этот болван обожает грызть всё что ни попадя, но и ему стало противно.

– Ты бы ещё в ухе у неё сперва поковырял, Данлоп.

– А зачем? Яда там не видно, следов крови, потёков ушной серы тоже, чистые ушки такие. Серег не носит, мочки не проколоты, – беспечно ответил Данлоп. – Вообще повреждений, кроме как следов удушения, не найдено, ни синяков, ни ссадин, ничего. Разве что вот ранка на пальчике, видите? – Данлоп взял двумя пальцами левую руку девушки, бледную и увя, теперь уже навечно застывшую. – Но ранка старенькая, почти зажившая. Заключение предоставлю чифу Гордену не позже полудня. Уступаю место вам, детективы.

– Администраторы кафе в таких галстуках на людях не появляются, – проявил бдительность Бернс.

– Ну так он её в нерабочее время удавил, – ответил Клейборн. – А может, это вообще её штучка! Если уж бабы носят брюки и полицейскую униформу, то отчего бы и галстук-удавку не нацепить...

– Детектив, – поскребся у дверного косяка полицейский, похожий на лопухую мышь, – подозреваемый хочет что-то сказать вам.

Едва Клейборн заглянул в соседнюю комнату, как бледный, заплаканный мужчина кинулся к нему. Два полицейских ухватили мужчину под руки.

– Это он? – Джосс указал на подозреваемого подбородком, хотя всё и так было ясно.

– Кристофер, Кристофер Уинсли Свитхарт, – торопливо заговорил тот. – Мистер детектив, я ее любил! Мы хотели пожениться, я вчера сделал ей предложение, она была счастлива, пела от счастья... Вот взгляните-ка...

Суется и нервничая, он вытащил из кармана пустую коробочку, обитую атласной тканью. Затеиловы складочки внутри были скреплены золотой булавкой с крохотной белоснежной бирочкой ювелирного магазина «Элайза».

– На пальце убитой было помолвочное кольцо, Бернс? – спросил Клейборн, хотя опять же, прекрасно помнил, что никакого кольца на руке девушки не видел.

Напарник покачал головой.

– Кольцо найдено при обыске в брючном кармане Свитхарта, – сказал один из полицейских. – Вот оно, в пакете.

– Я любил её, – упрямо твердил Свитхарт.

– У вас есть галстук-удавка? – спросил Клейборн.

– Его, кажется, недавно подарили на тридцатилетие, даже не помню, кто... Просто нашёл его позавчера в шкафу, даже не доставал его из футляра. Не мой стиль, – сказал Свитхарт. – Детектив, прошу вас, я не могу сейчас... Я её любил.

Его руки дрожали, губы тряслись. Но сколько уже Клейборн такого видел! Утверждая, что любят, люди топили, душили, резали и сталкивали в пропасть, застреливали, рубили... Делали это и женщины, и мужчины, да только мужчины чаще убивали своих подруг, чем наоборот.

– Если это не вы, то кто? Расскажите. Может, заходил кто? – встрял Бернс.

Свитхарт затрясся ещё сильнее и вдруг изо всех сил принялся мотать головой.

– Нет, нет. Нет!

– Да тут всё ясно, – сказал детектив Клейборн. – Заверните красавчика, возьмём его с собой.

– Я её любил! – тоскливо, как брошенный хозяином пёс, провыл Свитхарт.

– Мы разберёмся, обещаем, – поспешно заверил его Бернс. – Если вы не убивали, если найдутся улики против другого человека, то вас выпустят.

– Бернс, – одёрнул мальчишку детектив. – Что ты несёшь?

Напарник понурился и поплёлся следом за Клейборном.

ГЛАВА 3. Сэйди

Здание музыкального театра «Алое крыло» всегда восхищало Сэйди Браун. Она гуляла мимо него бесчисленное количество раз, воображая себя выступающей на сверкающих огнями подмостках. Девушка считала, что знает о мюзик-холле всё. От момента зарождения театра, когда представления проводились полунищей труппой, состоящей всего из шести человек – они выступали в холлах крупных театров, развлекавая дешёвую публику, потому что к богатой их не подпускали. Их выгоняли почти отовсюду. Они шли петь и плясать на бульварах и в парках, а чуть подзаработав, купили шикарные костюмы и отправились на гастроли по всей Республке. По всем её бескрайним просторам! Выступали в основном в вестибюлях отелей или в маленьких провинциальных театрах. И в конце концов предприимчивый основатель выбил себе один-единственный номер в музыкальном театре. Тогда он располагался не на проспекте Родни-Крик, а в более тихом месте. Директор этого театра разрешил ребятам выступать в течение сезона, а затем украл их номер. Осенью, с началом нового театрального сезона, двери его дворца танца и песни оказались для труппы закрыты. Только одну из девушек взяли на вторые роли в театре. Лидер труппы поклялся отомстить. Найдя ещё четверых авантюристок, горластых, красивых наглой и вызывающей сексуальной красотой, он отправился в новый тур. И был так успешен, что, приехав, купил весь театр с потрохами. Чего ему это стоило? Труппа жила, во всём себе отказывая, лишь бы скопить побольше денег.

После этого основатель «Алого крыла» выгнал всех артистов, включая ту девушку-предательницу, а театр дал одно представление – бешено популярное среди богатой публики. Музыкальный театр, когда спектакль закончился, а люди разошлись, сгорел дотла, будто бы случайно. Основатель, получивший неплохие страховые выплаты, отстроил новый театр. И вот

тогда мюзик-холл «Алое крыло» – по названию самой первой постановки – открылся и моментально стал самым известным и популярным не только в Лудигане, но и во всей Объединённой республике, и даже за её рубежами.

Сэйди гуляла по Родни-Крик и с упоением разглядывала огромные сверкающие окна, вычурные балкончики на угловой части, отделку здания из огромных пластиковых панелей ярко-красного цвета. Вечерами тут сияло столько огней, что на них летела целая армия пташек, бабочек и мошек, то есть девушек совершенно разных профессий, мечтавших о том, чтобы попасть не на сцену, так хоть в зрительный зал. Иногда какой-нибудь из них выпадало счастье – ищущие удалых развлечений и лёгкой поживы хищные «жуки» и даже «мураши» хватали девушек под локоток и влекли сначала в роскошную чашу бархатных портьер и дорогих кресел, а затем и в свою куда более скромную кровать.

За одну только возможность увидеть новую постановку девушки готовы были и не на такое. А уж если какой-нибудь ушлый парень сулил возможность выступить на кастинге перед знаменитыми режиссёрами «Алого крыла» – девицы бежали со всех ног, теряя каблуки, остатки достоинства, разум и вообще всё. Порой и жизнь, если парень оказывался каким-нибудь ненормальным. Сэйди везло, она на таких негодяев имела отличный нюх. Да и нравились ей более положительные парни, работающие, потому что жуки – бандиты и хулиганы различного калибра – её пугали. С мурашами, как называли рабочих, фабричных или мастеровых, было как-то спокойнее.

Но, конечно, она утопала в мечтах встретить птицу высокого полёта – сценариста, помощника режиссёра, кого-то, кто ахнет при виде её скромной фигуры и скажет: «Да боже ты мой, вот она, звезда мюзикла!» И тогда перед Сэйди Браун откроются и больше никогда не захлопнутся двери в счастье!

Донни Шейна она тоже встретила именно здесь, возле этого театра. В один промозглый день августа, больше похожего на октябрь, он вышел из бокового входа, натянув шляпу до плеч и подняв воротник до ушей. Думая, что это может быть кто-то из известных артистов, восторженная группка девиц, караулившая у парадного крыльца, радостно запищала и кинулась к парню. Но тут он раздражённо швырнул шляпу в лужу и принялся её топтать. И восхищённые повизгивания тут же сменились разочарованным воем. Донни был всего лишь Донни: повар, который хотел быть пианистом. И его в очередной раз не взяли в оркестр из-за грубоватой внешности. В «Алом крыле» особенно трепетно относились к красоте. Толстая шея, широкое красное лицо и нос помидоркой красивыми не считались. Даже для пианиста, хоть ему и не отплясывать на сцене.

А Донни был пианистом, и отличным! Его мать давала частные уроки фортепианной игры. Дональд Шейн с её молоком всосал любовь к музыке. А готовить начал просто потому, что больше некому. Мама берегла руки, а рукам сына было всё равно, за какую работу браться. Он ничего не берёт, кроме своей матери, и позже, познакомившись с этой женщиной, Сэйди была ею очарована. Такая хрупкая, красивая, словно нездешняя!

Донни перенял от мамы всё и даже больше. Только не внешность: это было от отца. По семейной легенде, поведанной им Сэйди спустя месяц знакомства, Дональд Шейн был зачат в гостинице мужественным, но некрасивым капитаном. Пианистка Виктория Эсли, пребывавшая с музыкально-вокальным коллективом на гастролях в Лудигане, ошеломила капитана огромными синими глазами и схожестью с белоснежными статуэтками из фарфора. Ну, и игрой на рояле в комнате отдыха.

Там они и согрешили. После чего бравый моряк отправился обратно в свою Эрзалию, землю коренастых рыжих мужчин с красными лицами и носами-помидорками. Он обещал вернуться. Они успели взять разрешение на брак в церкви. Виктория даже присвоила себе фамилию Шейн – увы, слишком рано. Говорят, это плохая примета для невесты – называться фамилией будущего мужа заблаговременно. Море покачало-покачало на ладони хрупкий эрза-

лийский кораблик, да и взяло его себе вместе с грузом и командой. Капитан не покинул судно. Он отправился на дно вместе с ним и с именем Виктории Эсли на устах.

Хотя, конечно, это была только семейная легенда, поэтично приукрашенная. Как оно произошло на самом деле, не знает никто.

В любом случае, Сэйди благодарила Милорда за то, что Донни Шейн появился на свет и пребывал на нём вот уже двадцать восемь не вполне благополучных лет. Если бы они были прожиты легко и беззаботно, то Донни не стал бы топтать свою шляпу, а Сэйди не кинулась бы её поднимать и отряхивать и не нашла бы работу официанткой в ресторане «У Поджина».

А в ресторане «У Поджина» была сцена. На которой стояло маленькое барное пианино и сверкал новенький микрофон. И скромная рампа освещала фигуру певицы, которая трижды в неделю исполняла там давным-давно всем известные шлягеры.

По воскресеньям Донни и Сэйди, словно заговорщики, оставались в ресторане дольше всех и выступали на этой сцене перед тенями, сгустившимися в пустом зале. Он играл как бог, а Сэйди пела, словно ангел. Их объединяла любовь к музыке и желание поведать о себе миру, но Энди Поджин не позволял повару и официантке выступать открыто.

– Когда-нибудь мы будем взрывать своими выступлениями огромные залы, – говорил Донни. – Меня вдохновляет история «Алого крыла».

– А меня нет, – вздыхала Сэйди. – Кто знает, сколько там наврано? Да и потом, у нас нет такой труппы, чтоб ездить по стране с выступлениями. Быть может, мы её когда-нибудь и отыщем, но сейчас надо пробовать какие-то другие способы прорваться на большую сцену.

И вот на излёте октября, когда город был до отказа наполнен моросью и туманом, Донни и Сэйди снова остались в вечернюю смену, а когда она закончилась, закрыли двери, пробрались в зал и включили микрофон. Свет уличных фонарей падал на маленькую сцену через большие окна ресторана, и это создавало ощущение чуда и таинства.

Сэйди сняла кружевной передник и наколку. Донни снял нарукавники и плотный фартук. Подал девушке руку. Вместе они забрались на сцену. Донни сел за пианино и тихо, без стука, открыл крышку, Сэйди встала рядом и слабо подула в микрофон. Протяжный негромкий гул разнёсся по залу.

– Давай, – вполголоса произнёс Донни.

Не было смысла шептаться. Никто не слышал их: по правилам, заведения закрывались в час ночи, а было уже почти два. Никто не видел их: свет ведь был погашен. Даже уборщица, не глядя на молодых людей, закончила мытье пола и ушла, тяжело ступая разбитыми ногами. Но страшно было спугнуть что-то иное, что-то лёгкое и в то же время очень серьёзное, настоящее, что витало здесь, в этом зале, когда Донни и Сэйди были одни.

Донни вдохнул, выдохнул – и коснулся руками клавиш пианино.

Сэйди вдохнула и задержала дыхание – всего лишь на пару секунд. Первые аккорды дали ей время настроиться, войти в крошечный мир песни.

И песня родилась на свет – нежная, светлая, такая, от которой слушатели непременно заплакали бы.

Но только этот нескладный, полноватый парнишка был всего лишь поваром. А эта прелестная девушка с неумело завитыми кудряшками – официанткой. Никто бы не позволил им играть и петь при слушателях. Слишком уж не артистичный был у них вид и слишком бедной – одежда. Униформа ресторана сидела на них не слишком ладно, а обувь была потрёпанной.

Все кажется бессмысленным,

Расплывчатым,

И стонет жизнь,

И наступает смерть,

Но в зале гаснет свет

И в мраке дымчатом
Выходит ангел,
Чтобы песню спеть...

Песня звучала так подходяще к этому времени и месту, что и пианист, и певица ощущали это всей кожей – даже нет, больше, всей сущностью! У Сэиди то и дело дрожал голос, у Донни срывались пальцы с клавиш, на глаза обоих наворачивались непрошенные слёзы. И они даже не удивились, когда в темноте и тишине, которыми окончилось их тайное выступление, прозвучали аплодисменты. Молодые люди чувствовали, что заслужили их – в музыке и песне был нерв, была настоящая жизнь!

Но уже через мгновение, когда магия песни растворилась в воздухе, Сэиди прижала к губам ладонь.

– Ох, – прошептала она.

– Не бойтесь, – сказал аплодировавший им человек, выходя поближе к освещённому пятачку сцены, но все ещё оставаясь в тени. – Вы не забыли запереть дверь. И никто не выдаст вашей тайны. Даже я.

– Но что вы хотите? – спросила молодая официантка. – Как вы вошли?

А повар встал из-за инструмента и скрестил на груди руки.

– Полагаю, грабитель. Ну так зря пришли, мистер! Деньги из кассы уже сданы хозяину, там лишь мелочь на сдачу.

– О, у меня полным-полно денег, молодые люди, – засмеялся человек. – Мне не нужна ваша мелочь, оставьте себе, спасибо.

Ух, какой это был жуткий, мертвенный смех! Просто мороз по коже! Сэиди вцепилась в руку своего парня. Только успокоения это ей не принесло никакого – потому что рука у Донни дрожала.

– Так чего же вы пожаловали? – воскликнул повар, пытаясь прогнать страх.

– Послушать. Сыграйте мне ещё одну песню, спойте мне. Там, где я живу, нет музыки, нет никаких песен.

– Странное, должно быть, место, – пробормотала Сэиди совсем тихо, но пустой зал сделал её слова очень даже слышными.

Человек опять рассмеялся.

– Вы просто не представляете себе, насколько, – сказал он. – Ну же! Песню! Долго мне вас уговаривать?

– Мы закрыты, – неуверенно сказал Донни.

– По десять кроулов каждому, – человек снова похлопал, и только теперь Сэиди увидела, что он в перчатках.

Вот почему аплодисменты были такими громкими и гулкими. Совсем не то, что от голых ладоней. А десять кроулов, это же два двухнедельных жалованья, заработок за целый месяц, если с одним выходным!

– Мы закрыты, – в голосе Донни зазвучала тревога.

– По двадцать... пять, – человек подошёл к сцене и положил на её дощатый пол стопку больших серебряных монет. – И эти уже ваши.

– Хорошо! – почти истерично выкрикнула девушка. – Давайте!

Никогда ещё Сэиди так хорошо не пела и никогда ещё Донни не играл так плохо.

– Чтоб ты мясо так жарил, как бренчишь, – рассердилась девушка, закончив песню.

Парень ей не ответил, только опустил голову.

– Он прекрасно бренчит, а вот мясо всегда жарит средне, но теперь всё изменится, – улыбнулся человек.

Тут-то его Сэйди и разглядела – у него лицо будто бы красным подсвечивалось, и непонятно было, откуда идёт этот свет. Красновато-карие глаза и острые черты лица заставили девушку вздрогнуть, будто её внезапно просквозило.

– Забирайте ваши кроулы и проваливайтесь, – буркнул Донни. – Я спать хочу. И я ухожу! И Адельсайд уходит! И мы закрыты!

– Хорошо-хорошо, – руки в перчатках поднялись ладонями вперёд, человек отступил на шаг назад, и его лицо снова исчезло во тьме. – Я уже ушёл.

И пропал. У Сэйди аж в горле перемкнуло, но ненадолго. На сцене осталось пять аккуратных столбиков монет, и девушка кинулась их считать. Пятьдесят кроулов! За одну песню!

– Мог бы и получше сыграть за такие-то деньги, – сказала официантка. – Боже, да за это можно снять нормальную квартиру. С отоплением, а не с крошечной печкой! Не подумал об этом? Ну ты и осёл! А ведь впереди зима...

Пока она перебирала серебристые кругляши, Донни взял с вешалки у дверей своё пальто и вышел. Сэйди опомнилась лишь тогда, когда почуяла холодное дуновение от выхода. Торопливо сунув деньги в сумочку, она кинулась догонять. Вместе они заперли дверь и посмотрели друг на друга. На улице пронзительно свежо пахло осенью, шуршали ещё не облетевшие деревья и горели рыжие уличные фонари.

– Выброси эти деньги. Или отдай нищим, – посоветовал Донни. – Разве ты не понимаешь, кто это был?

– Нет, – быстро сказала Сэйди. – Не понимаю, не хочу понимать, и вообще – чудес не бывает, но с нами произошло чудо! Боже правый, Донни Шейн, глянь сюда, ну, посмотри на меня! У нас теперь деньги есть. Ты же помнишь, что нам сказал директор: рылом не вышли выступать на сцене, приличная публика не любит замарашек. Ну так давай купим одежду, сходим в салон, приведём себя в вид... И уйдём отсюда куда-нибудь в нормальный ресторан, где будем любимым делом заниматься, а не убиваться за гроши. Или, может, попытаем счастья в «Алом крыле» ещё разок? А?

– Я заработаю ещё много денег, сколько хочешь денег, – с отчаянием сказал Донни, – только не бери их у дьявола, Сэйди, не надо.

– Какой же он дьявол? Просто богатый чудака. У дьявола, Донни, рога и копыта, хвост с красной кисточкой и раскосые глаза, один чёрный и другой зеленый. Дьявол – это демон ада, он и пахнет серой, а этот пахнет одеколоном и деньгами.

– Твои познания в демонологии меня пугают, – нервно засмеялся парень.

Смех его разнёсся далеко по пустынной и холодной улице – так далеко, что даже показалось: они остались вдвоём в целом городе. Пустом и гулком, как жестяное ведро.

– Послушай, Дон, мне двадцать три, и я страшно устала быть то поломойкой, то официанткой. Пусть даже демон придёт и велит отдаться мне ему за деньги, я уже и на такое пойду, так устала от всего этого. Только уж пусть это будут очень большие деньги, – торопливо заговорила девушка.

От отчаяния Сэйди казалось, что это так и есть, хотя при мысли о том, чтобы оказаться в чужих противных лапах, ей делалось по-настоящему дурно.

– Дьявол не демон, а отец демонов. И он принимает любое обличие, – сказал Донни. – Послушай, Сэйди, я... Да не беги ты так! Дай договорить! Да, мы плохо начали, но это всё временно. Мы ещё будем богаты, мы ещё будем счастливы с тобой! И ты будешь петь на лучших сценах Бентии или даже мира, когда я стану знаменитым поваром.

– Но я хочу, чтобы и ты был лучшим музыкантом страны, – недовольно заявила Сэйди, чуть замедляя стремительный шаг. – Ох, чтобы ты знал, Донни, как я устала целыми днями топтаться по залу, эти подай-принеси, руки куда не надо суют вот тоже, да ещё путают честную официантку с какой-то дешёвкой! А я ведь не дешёвка! И у меня парень есть, а что это за парень, который весь день в кухне и не может дать никому отпор за свою девчонку? Да пока

ты жарить один двойной стейк, меня успевают облапать раз пять-шесть. Я уж про то молчу, Донни, что у меня лишней пары башмаков нет, а в этих вся подмётка протёрлась, так что я ноги боюсь от земли оторвать, вдруг дыры кто увидит! Я не могу так больше, понимаешь, не могу! Я устала быть нищей! Никому я этих денег не отдам, а лучше заплачу за квартиру вперёд, и пальто куплю, и туфли... нет, теплые ботинки! На меху... И шарфик с перчатками им в тон. А уж поем – хорошо поем, не объедки какие-нибудь, что у нас там предлагают работникам. И если ты думаешь, что зазорно петь за деньги, то к чему же мы тогда вообще идём? Всю жизнь подошвы в ресторане протирать я не буду, я хочу петь, петь, Донни! Пусть этот дьявол приходит и просит что угодно – как он сказал? Там, откуда он родом, нет музыки? Я продам ему музыку, какую только захочет, лишь бы платил!

– Ты знаешь, чего хочет дьявол. Твою душу, – тихо сказал Донни, ни разу за всю долгую тираду не перебивший Сэйди.

– Да пускай забирает! Тебе-то небось она без надобности?

Донни запнулся и остановился. Сэйди прошла ещё несколько шагов, пока не сообразила, что идёт одна, и обернулась.

– Ты как хочешь, Донни, а я от тебя уйду. Хоть к дьяволу, хоть к кому. Можешь уж сегодня переночевать у нас, и потом тоже – я не гоню так сразу. Ищи себе комнату сколько понадобится. А только между нами всё кончено. Да, мистер! Кончено! Мы больше не друзья.

Ни слова не говоря, парень повернулся и пошёл куда глаза глядят. Сэйди – в другую сторону. На углу Двенадцатой и Цветочного переулка она обернулась. Донни уходил, свесив голову и опустив плечи. Ни дать ни взять, побитая собака. Сэйди сжала кулачки. Ей хотелось крикнуть ему вслед: да остановись же ты, дубина! Пстой! Идём вместе!

Но отчего-то так и не крикнула.

Кончено... самое время было подумать, что у них так толком ничего и не началось.

ГЛАВА 4. Изгнание

Наутро Сэйди проснулась оттого, что в квартирке пахло едой. Звуки скворчащего и стреляющего масла, тихий гул газовой плитки, запахи бекона, яичницы и кофе, и поджаренного хлеба... Округлив глаза, девушка вскочила с кровати, как была – в простом и увы, далеко не новом пеньюаре. Ну ладно, допустим, Донни вернулся и это просто отличная новость. Но кой чёрт он готовит? Откуда притащил плитку? Какой ужас! Если их выгонят, то непросто будет найти такое же хорошее жильё за эту же цену! Полкроула в месяц за газ, полтора за отопление и полтора за съём – и это считалось отличной ценой за две комнатухи, каждая из которых была размером примерно с жестяную коробку для леденцов. Тут была ещё крохотная туалетная комнатка, в которую вместились только жестяной унитаз и крошечная раковина с краном. Из него всегда капало, раздражая слух бесконечным стуком воды о гнутую жёсть, но у других-то и того не имелось.

Так вот, готовить и даже просто греть воду в комнатах запрещалось строго-настрого, это после большого пожара, из-за которого выгорел почти весь Грустный квартал. Очень утомляло постоянно искать, где стирать и сушить белье, готовить и есть, поэтому Сэйди, когда познакомилась с Донни и устроилась официанткой, обрадовалась решению хотя бы проблемы с питанием. Но за готовку хозяин выгонит, даже если надбавить целый кроул. А поди поищи в этом битком набитом людьми городе что-нибудь “с удобствами” за меньшие или хотя бы за такие же деньги! Так неужели Донни сошел с ума и решил сделать невероятную вещь – завтрак ценой в их проживание тут?

Высочив в соседнюю комнату как была, босиком, в тонкой сорочке и непричёсанная, Сэйди увидела мужчину, вовсе не похожего на Донни. Тот был ниже, более плотным, с округлыми боками и заметным животиком. А этот, стоявший боком к двери, выглядел изящным. Да-да! И как это он жарил бекон, умудряясь не забрызгать кроваво-красную рубашку жиром?

Только оценив наметанным взглядом черные брюки, дорогие туфли, роскошную рубашку и бордовый с золотой вышивкой жилет, Сэйди запоздало взвизгнула и метнулась обратно в комнату, в ужасе завертелась на месте, ища – юбку, кофту, халат, хоть что-нибудь, чтобы прикрыться, но мужчина, как был, со сковородкой и лопаточкой в руках, уже встал в дверях.

– Сэ-эйди, – сказал он мелодичным голосом, который девушка тут же узнала.

Это он, вчерашний богатый гость, оставивший пятьдесят кроулов за одну песню! Сэйди скорее запоминала тембр голоса, нежели внешность. Да и вчера она видела этого человека в темноте.

– Умоляю вас, не надо бояться. Я здесь, чтобы сделать вам до невозможности хорошо! – продолжил мужчина.

В отчаянии Сэйди взвизгнула, схватила стул и закрылась им.

– Все вы так говорите, – стуча зубами, с трудом выговорила она. – Уходите! И заберите это всё, вашу плитку, сковородку и... и...

– И ваш завтрак? Вообще-то я планировал подать его вам в постель, несравненная Сэйди.

Девушка взвизгнула и крикнула:

– Не подходите ближе! Иначе я... Я стулом!

– Хорошо, не подойду, – пообещал мужчина и поставил сковородку прямо на пол, потому что в комнате не нашлось стола, а к подоконнику он не пошёл. – Завтракайте. Я подожду... снаружи.

– Нет! – перепугалась Сэйди. – Уходите! Совсем уходите! Сейчас придёт мой др... мой жених... и вам не поздоровится!

Незванный гость засмеялся. Смех получился жутковатый. Сэйди, как ни была перепугана, а подмечала каждую мелочь. А может, именно со страху и подмечала! У страха-то глаза, как известно, велики – вот и видят что попало! А попало им странное выражение лица незнакомца: рот смеётся, блестит зубами, а глаза – глаза страшные. Мёртвые глаза. Чёрные и мёртвые!

– Я подожду. Вы завтракайте, Сэйди, а потом я расскажу, зачем пришёл. Вам совершенно нечего бояться.

Сэйди всхлипнула и постаралась поудобнее перехватить тяжёлый стул.

Мужчина положил на сковородку деревянную лопаточку и вышел. Слышно было, как щёлкнул язычок защёлки в замке. Сэйди осела на пол, вытянула босые ноги и заревела в голос. Но еда пахла вкусно – так вкусно, как никогда в жизни. И раз уж её приготовили, то надо было, наверно, и съесть. Девушка осторожно подползла на четвереньках к сковороде и потыкала в неё лопаткой. Яичница была самая настоящая. А ведь в другой комнате, наверно, остывал бекон, хрустящий, судя по аромату, подкопчённый, упоительно солоноватый! Рот Сэйди наполнился слюной. Но она не забыла о том, как перепугал её этот странный визит. Поэтому она бегом бросилась к двери и проверила, что та закрыта. Так же бегом кинулась обратно, оделась – точнее, скинула пеньюар и надела старенькое платье – и с жадностью съела всё, что было приготовлено гостем.

Так уникально яичницу готовил только Донни. У Сэйди не было достаточно практики: в родительском доме такую роскошь ели очень редко, яйца – еда не из дешёвых, тем более, яичницу на восемь ртов соорудить мудрено. Доев и начисто вымакав тарелку кусочком хлеба, девушка огляделась и только тут поняла, что не видит плитку. А ведь та была приметная – красная, с чёрной решёткой, такая хорошенькая газовая плитка, настоящая мечта! Лучше только большая газовая плита – на большой белоснежной кухне, разумеется.

Сэйди ведь видела её, видела, как у столика возле стены стоял незнакомец, как готовил на ней. Слышала тихий гул пламени в единственной конфорке, потрескивание и шипение выпаривающегося из бекона сала...

А теперь в комнате не было ничего похожего на эту красную плитку. Чудеса, да и только!

Сэйди по-быстрому помыла посуду и даже открыла окно, чтобы хозяин случайно не унюхал ароматы готовки. Но в дверь уже стучали.

– Адель! Адель, открой! Сколько раз я говорил вам, слабоумным! Вы спалите весь дом из-за своей глупости! Готовить здесь запрещено! Я говорил, что выгоню? Ну так выметайтесь!

Сэйди сжалась в комочек. «Адель», от полного имени «Адельсайд» – так её называл только домохозяин, у которого они снимали эту квартирку. И где, спрашивается, этот незванный гость, её подставивший? Пусть бы оказался рядом, как обещал, так ведь нет! Куда исчез? Стой он рядом с дверью – наверняка домохозяин как-то на него отреагировал бы...

– Адель! Ну, погоди...

Сэйди протянула руку, чтобы отпереть, но поздно – звякнули ключи, и домохозяин грозной фигурой застыл на пороге. Руки сложены на массивной груди, ещё больший живот колыхался ниже. А выше рук – покатые плечи и лицо-блин: бледное, рыхлое.

– Ох... доброе утро, мистер Чедвик!

Хозяин вошёл так, словно Сэйди была пустым местом. Впрочем, пустое место хотя бы ругать не будут. А Чедвик именно этим и планировал заняться.

– Ты готовила, – обвинил он. – Вот и брызги масла, и запах еды, и всё вот это... Где плитка, признавайся?

– Это не я. Нет у меня никакой плитки, – пробормотала Сэйди.

– Да? – уже из соседней комнаты возопил мистер Чедвик. – А это ЧТО?

Девушка опасливо заглянула внутрь и обмерла. Плитка, а главное, грязная сковорода с остатками яичницы, испачканная тарелка, вилка – всё стояло на столе. Но ведь только что плитки не было! Она же исчезла, и посуду девушка помыла... Сэйди ещё не успела осознать всей несправедливости и подлости ситуации, как хозяин уже прошипел:

– Ты и Донни! Вы больше тут не живете!

Через пять с половиной минут Сэйди с сумкой и единственным чемоданом уже бежала по лестнице вниз. Ей было обидно и страшно. Девушка ничего не понимала! И ещё отчаянно хотелось наподдать тому странному мужчине, который всё это устроил. Встретить бы его только...

– Сэйди! Наконец-то! Я уже устал тебя ждать, – как ни в чём не бывало, сказал её давешний гость, обнаружившийся в тот же миг безмятежно сидящим на скамейке в крошечном палисаднике.

– Ах вы...

Теперь-то уж она не боялась. Нечего было бояться! Донни она уже потеряла, жильё – тоже. А этого негодяя можно треснуть по голове тяжелой сумочкой с деньгами. Сам столько монет насовал, между прочим! Она размахнулась, но негодяй выставил вперёд удивительно красивые руки и засмеялся:

– Не надо планировать моё убийство, милая Сэйди. Я пришёл дать тебе новую жизнь. Брось дурацкий чемодан, брось всё, и дай мне руку. У тебя будет всё – большой красивый дом, куча поклонников и поклонниц, а главное – с этого же вечера ты поёшь в мюзик-холле «Алое крыло».

От удивления Сэйди онемела. Мужчина стоял, протягивая руку, и девушка, обмирая от ощущения чего-то необыкновенного, что превращало её жизнь в сказочный сон, легко коснулась его пальцев своими.

– А взамен? – зачарованно спросила она.

– А взамен ты пару раз для меня споешь, только и всего. Ты ведь любишь петь? И хочешь стать знаменитой. Да?

Сэйди кивнула – с трудом, будто что-то удерживало её голову и шею. На самом деле она ничего и никогда так не хотела, как быть популярной! Захлебывающиеся восторгом толпы поклонников и поклонниц, море цветов, аплодисменты, прибоем накатывающие на театральные подмостки, выступления в мюзиклах и сольно, вот о чем всегда грезилла девушка. Но сей-

час она растерялась. Что-то подсказывало ей, что так не бывает. Что за такое придётся платить, и немалую цену. Ей вдруг стало страшно – не до глупых мурашек, а почти до обморока. Заложило уши, потемнело в глазах, а руки и ноги сделались ледяными. В таком ужасном состоянии Сэйди даже не могла убежать. И, словно почуяв это, обольстительный гость взял её за руку.

Только тут она поняла, что он не так уж красив, но бешено притягателен. Одно лишь прикосновение, и девушка подумала: да пропади оно всё. Будь что будет, она вытянула счастливый лотерейный билетик и ни за что с ним не расстанется. А если ей достанется ещё и поцелуй этого незнакомца, то счастье будет полным.

– Идём, нам надо составить договор, – гость взял Сэйди за талию и повёл к роскошной чёрной машине с вызывающе-красным нутром.

В такую даже лезть было боязно – девушка показалась себе сказочной героиней Замарашкой, от которой все воротили нос. На бархатном сиденье лежал букет белых и красных роз, в машине благоухало, словно в саду. Водитель повернулся к девушке и улыбнулся, кивком предлагая взять букет в руки. Едва она сделала это, как рядом уселся её новый знакомый. Хотя знакомым-то он ещё как раз и не был!

– Я даже... не знаю, как вас зовут, – пролепетала Сэйди.

– Если тебе это важно, я – Эс.

– Эс – и всё?

– А что ещё тебе надо, моя маленькая птичка?

Сэйди запнулась на полуслове и закрыла глаза. Эс приблизился к ней настолько, что она ощутила его дыхание. Шофер тронул машину, оба пассажира качнулись друг навстречу другу, и поцелуй вышел таким огненным, что впору было бояться, как бы не сгореть заживо. Розы укололи Сэйди руки и грудь, но она даже не заметила этого, отдаваясь незнакомым горячим губам.

– Вижу, ты уже готова заключить договор и скрепить его кровью, – низким, очень тихим голосом проговорил Эс и, склонившись ниже, слизнул капельку крови с груди Сэйди.

– Я согласна. На всё.

– Тогда пой, – просто сказал Эс. – И пусть от пения твоего содрогнутся столпы небосвода.

Она не поняла. Только слабо дёрнулась в мужских объятиях и замерла, боясь то ли спугнуть момент, то ли разгневать повелителя.

Он погладил её по волосам.

– Пришла пора обговорить условия, птичка Сэйди.

ГЛАВА 5. Клейборн стреляет

– Я закончил, – сухо сказано сказал детектив конвойному. – Можете уводить.

Свитхарт окончательно раскис. От него уже ничего толком нельзя было добиться. В допросной он лишь глотал воду стакан за стаканом и ныл, что он виноват.

Но в чём именно, так и не сказал. “Я виноват”, – повторял раз за разом и ни на какие вопросы, окрики, уговоры не реагировал.

Что ж, Клейборну было достаточно уже того, что задержанный сознался.

Но пока что тот находился под стражей, и скорее всего, будет отправлен под суд, а затем на казнь, так что следовало заняться другим делом.

До обеда они с Бернсом, конечно, не вполне управились, но на раскрытие потратили всего лишь день. Можно рассчитывать пусть на небольшую, но прибавку. А пока следовало окончательно разобраться с Гаем Дроссли, убийцей невинной женщины, несколько лет терпевшей его побои, но отчего-то не покинувшей этого ублюдка.

– Куда отправитесь, детектив? – спросил Бернс подозрительно.

Ну да, так ему Клейборн и создается.

– В бар, как обычно, промочу горло, выпью за успех сегодняшнего дела и за удачливого новобранца Бернса, – сказал он. – Тебя не приглашаю, ты ж не одобряешь.

Он и сам не одобрял и вовсе никогда не пьянствовал. Только знало об этом, небось, два или три человека на всём белом свете.

– Напьюсь, а потом завалюсь спать, вот и все дела.

Джосс взял шляпу, подмигнул напарнику и отправился восвояси.

Вечер уже подступал к городу со всех сторон! И всё будто ржавчиной покрыл. Может, потому-то Джосс и едва не проглядел шустрого рыжего и конопатого парнишку лет этак десяти, который словно запнулся, пробегая мимо детектива. Такой же рыжий, как всё кругом – как деревья у окрашенного охрой забора, как закат и крыши! Клейборн успел схватить паршивца за шиворот и вытряхнуть из него пару рыжих купюр, немного серебра и портсигар.

– Я не курю и тебе не советую, – сказал детектив добродушно. – А вот полкроула можешь оставить себе... если ответишь на пару вопросов.

– Полкроула? – спросил мальчишка.

Джосс покрутил перед конопатым носом соблазнительной монетой.

– Что нынче ночью готовится в городе? Желательно с драками, перестрелками, чтоб, знаешь, шумное и приметное? А?

– Нынче-то? Да ничего, – скосил глазки паренёк. – Нынче и банды никакие не сходятся даже! И не гуляет никто! Среда – не самое время для разборок.

Клейборн тяжело вздохнул.

– Ну, ничего так ничего, – сказал он и сделал вид, что убирает монету в карман. – Тогда и должен я тебе... ничего.

Рыжий сделал вид, что только что вспомнил:

– Перевозчики!

– Что – перевозчики? – уточнил Клейборн.

– Ну, городская автобусная станция и служба «Авто-кэб», мистер. Они же давно на ножах!

– Так давно, что ты в ту пору ещё и в планах у мамки не стоял, да и мамка твоя пешком под стол ходила, – подтвердил Джосс. – А «Авто-кэб» были просто «Кэб». И насколько я помню, не на ножах, а на...

– А на револьверах! – восторженно выпалил мальчишка и выхватил из руки детектива монету.

– Дам ещё полкроула, если скажешь, где и когда стычка, – торопливо сказал Джосс.

Рыжий расплылся в улыбке.

– Так за автобусной станцией, – сказал он. – Десять минут после полуночи. С облавой небось нагрянете?

– Как раз наоборот, парень, – ответил Джосс.

– Ууу, а жаль, – вздохнул рыжий, – за наводку на такое небось тоже неплохо платят!

– У тебя и так теперь целый кроул, – Джосс протянул вторую серебряную монету.

– Ну так могло бы быть и два. Скажем, за молчание. А то раз не облава, то и поживиться теперь больше нечем.

– Тогда я тебе купюру в пять кроулов, а ты мне обе монеты возвращаешь, грабитель малолетний, – сказал Джосс. – Только быстро, быстро, мы и так уже тут битый час торчим, зазря внимание привлекаем.

На смышлёном чумазом лице не мелькнуло ни тени сомнения. Перед рыжим мальчишкой стоял какой-то немолодой полицейский, простак, которого легко обмануть. Вот сейчас можно показать ему две серебряных монеты, получить бумажную пятерку, а обе деньги раз – и спрятать! Тогда будет целых ШЕСТЬ кроулов, а не один! И, конечно же, сразу дать дёру!

Но, протянув купюру, ушлый детектив вдруг показал фокус: взял, да и ударил по руке рыжего, да так ловко, что обе монеты подлетели в воздух. Мальчишка выхватил из руки детектива бумажку и рванул прочь, а Джосс на лету поймал оба полукроула и, посмеиваясь, пошёл дальше.

Фальшивые пятёрки и десятки, изъятые им в огромном количестве при обыске бандитов пару месяцев назад, были сданы в хранилище улик не полностью: несколько купюр Клейборн беззастенчиво прикарманил. Иногда они очень пригождались в хозяйстве.

Он не опасался, что мальчишка где-нибудь, где не надо, сболтнёт лишнего: настоящий полицейский вряд ли будет действовать вот так, подсовывая поддельные купюры и использовать уличные приемчики. А ненастоящий разве полезет в перестрелку перевозчиков? Людито поди за власть в городе борются, за то, кто будет с пассажиров монету лупить. Чего постороннему на такой вот стычке делать? Так мог подумать мальчишка. Но у Джосса были свои соображения на этот счет.

У Джосса Клейборна всё уже было отработано: он делал свою работу далеко не впервые. Мероприятия разнились, люди тоже, а механизм был один, простой и не дававший осечек. В половине одиннадцатого он зашёл в небольшой полутёмный бар и сунул четвертак завсегдатаю, который сидел, уронив голову на стойку. Завсегдатай поменялся с Джоссом шляпой и плащом. Затем Клейборн заглянул в полулегальный прокат автомобилей, где на час-другой можно было получить неприметную машину без документов – достаточно было назвать какое-нибудь имя и оставить залог. Вместо залога Джосс Клейборн честно оплачивал двойную стоимость проката, что составляло три кроула. Деньги немалые, но они у детектива водились. На себя он, старый холостяк, тратил немного. Имени «Джек Смит» и трёх блестящих монет хватало, чтобы никто и никому не сказал, что детектив брал в прокат машину в то время, когда вроде как сидел в баре.

У Данлопа в машине ещё накануне был по-тихому утянут аккуратно сложенный пластиковый пакет – ему нашлось место в кармане пальто пьянчуги. Хорошие, кстати, карманы, большие.

В одиннадцать Клейборн уже подъезжал к дому Гая Дроссли на краю Кузнецкой Окраины. Домишки тут были небогатые, заборы хлипкие, улицы грязноватые. Зато и глазели тут мало: никому ведь неохота лишаться зрения, а то и жизни, случайно подглядев лишнее. На выдавший виды автомобиль и его водителя в позеленевшей от времени шляпе и коричневом пыльнике никто не обратил внимания – или постарался не обращать.

Джосс внимательно огляделся, нет ли поблизости какого-нибудь напарничка, прости Милорд, но, видимо, чиф позаботился о том, чтобы его старого товарища не накрыли за проделками. Хотя про Гордена сложно сказать наверняка, о чём он заботился, а о чём попросту не знал. Чиф здорово умел валять дурака, так что за почти двадцать лет знакомства Джосс уже всерьёз начал подозревать, что Сэмми и сам уже не отличает, где он, а где тот дурак.

Напарничков не было, наружки тоже не обнаружилось, и тогда детектив стукнул в дверь дома. На этом самом пороге несколько дней назад Гай убил свою молодую жену. Убил зверски, аж описывать – и то неприятно. А Джосс Клейборн сказал Бернсу честно, что терпеть не мог, когда убивают безвинных женщин. И других издевательств над ними не спускал, но когда убивали – зверел всякий раз.

На стук никто не отозвался, но Джосс услышал тихий шорох за дверью.

Постучав ещё пару раз, детектив отчалил – недалеко, за ограду, откуда высунул только самый краешек шляпы. И не удивился, когда её снесло выстрелом. Вторая пуля выбила щепу из хлипкого деревянного забора. Джосс обрадовался выстрелам, словно грибник встрече с лисичками или боровиками. Подбросил шляпу в воздух – только и видно было, как впотьмах что-то

тёмное промелькнуло! – и, пока Дроссли стрелял по головному убору, высунулся из засады и всадил в силуэт на крыльце четыре пули из шести.

Этого хватило. Гай Дроссли кулём рухнул с крыльца. Где-то неподалёку тоже стреляли. Кузнецкая окраина такое место, куда даже самые отчаянные полицейские ни за что не сунутся ночью. Только утром приедут разбираться, кого и где пристрелили. Но Джоссу Клейборну не с руки сейчас было раскладывать труп Дроссли в этом районе. Поднатужась, он завернул тело в плотный пластиковый мешок и отволоч к прокатной машине. Пятна крови залил гадостью: газировкой «Сола». Гадость эта была едкая и всерастворяющая – к утру тут будут лишь непонятные липкие разводы. Потом, в пару приемов, Клейборн погрузил тело в багажник. Вот тут бы вполне пригодился верный напарник, да только не такой ябеда и неумеха, как Бернс, спасибо. Ничего особенного, разве что колени ноют.

Перестрелка перевозчиков началась в половине первого.

Эти водители авто-кэбов – они никогда не отличались большой пунктуальностью.

Джосс подложил тело аккурат когда стычка уже заканчивалась. Подсунул, пользуясь темнотой и заварухой. Вот до чего доводит слишком длинный рабочий день перевозчиков – приходится стрелять в конкурентов в темнотище. Что ж, кому-то, может, это и на руку. Кто-то, может, и жив остался. Но не случайный прохожий по имени Гай Дроссли, убийца своей жены. Этого спустя час после перестрелки нашли среди убитых и даже не удивились. Тем более, что оружие, из которого был проведён выстрел, отыскалось у одного из задержанных перевозчиков. Сколько он ни утверждал, что не помнит, откуда у него револьвер, ему не поверили.

Впрочем, детектив не стал бы подсовывать улику невиновному.

ГЛАВА 6. Новая жизнь Сэйди

Сэйди забыла о боли в пальце и подписанном кровью контракте почти сразу же, как только окинула взглядом белоснежный дом в три этажа, к которому они с таким шиком подъехали. Крыльцо с колоннами, чудесные голубые ели и жёлто-красные клёны по обе стороны, клумбы с яркими цветами – всё это было так прекрасно! Девушка стояла, раскрыв рот, пока не поняла, что её бьёт крупная дрожь. Ведь она все еще была в тонком платье, дешёвых бумажных чулках и домашних туфлях – в таком виде мистер Чедвик выкинул её из своего вонючего доходного дома. Здесь же не было ничего дешёвого, кажется, включая траву на газонах и почву под ней, забор из кованых прутьев и булыжные дорожки под ногами. Похоже, тут даже мухи летали не такие, как везде: особенные, преисполненные важности осенние мухи!

– А что это за... Что это за дом? Чей он?

– Ваш, мисс Адельсайд Браун, – Эс полушутовски поклонился девушке. – Всё это ваше. Особняк, двор, гараж с этим авто, и водитель в нем весь ваш, до мозга костей. Желаете осмотреть дом?

– Мистер Эсмонд, велите поставить машину в гараж? Или сегодня будут ещё поездки? – спросил шофер.

– Спрашивайте вашу новую хозяйку, Питч, – улыбнулся Эс.

Эсмонд. Какое сильное имя, звучное и в то же время устрашающее! Но дьявола ведь не могут звать Эсмондом? От момента низвержения Лордом и воцарения на Огненном Престоле имя ему – Ревеллиель, или ещё Морлис. Но никто не называет эти имена вслух, кроме священников, да и то в редких случаях – при отлучении, проклятии или же в последней службе перед светлым праздником Сыновней Радости.

– Мисс Браун? – согнулся в поклоне шофер.

Был он немолод и не слишком красив, но мундир носил с шиком – куда там щеголихам из Сэйдиного квартала! Девушка повернулась к Эсу.

– А нам куда-то ещё надо будет? – спросила у него, заглядывая в непроницаемо-тёмные глаза.

– Как пожелаете, – ответил Эсмонд. – Можем поехать в мюзик-холл, там как раз ждут вас. Но вы можете и не приехать: сегодня только рядовая репетиция, вы часто их пропускаете. Вам скучно.

Сэйди в изумлении схватила Эса за руку. Он был по-прежнему не слишком приятен и понятен ей, но как же её потрясли слова о мюзик-холле!

– Вы же сказали, вечером я там пою? Как же тогда можно не репетировать?! – закричала она. – Эй! Питч, да? Вас так звать? Вы уж подождите-ка, не уезжайте, я быстренько!

Она помчалась в дом сломя голову. Просто поразительно, что это был за дом. Огромный, светлый, с большими чисто вымытыми окнами. И с занавесками на них! Сэйди обежала все комнаты. Светлый Лорд, в этом доме было всё, всё, о чём так мечтала бедная девушка! Огромная кухня с плитой о шести конфорках и большим холодильником, каких не было даже в ресторане, где трудилась Сэйди. Столовая с длинным-предлинным столом и красивыми стульями! Две гостиных и отдельный зал для танцев! В одной гостиной царил белый рояль с золотыми ножками, а в другой, на маленьком возвышении – чёрное пианино, арфа и челеста. Курительная, бильярдная, четыре ванных и отдельно – бассейн. Спальни с будуарами, гостевые комнаты, столы, комоды, кресла, диваны... Бар! Настоящий бар, небольшой, полутёмный и уютный, с улыбочивым барменом в белоснежной рубашке и алом жилете...

Под конец девушка вбежала в одну из спален – угловую, с двумя окнами, камином и пышной кроватью – и в изнеможении рухнула в подушки лицом вниз.

И взвизгнула, когда чья-то горячая рука провела по спине.

– Ты поражена, детка? – спросил Эсмонд. – Потрясена?

Откуда он только взялся? Сэйди поспешно села, одёргивая платье. Эс её пугал, особенно когда был так близко. Не хочет ли он за всё это обладать её телом? Хотя что ему в этом за радость? Если он может себе позволить такие подарки, то зачем ему какое-то там зачуханное тело маленькой и никому не известной официантки? Он может купить целую армию пышнотелых красавиц, расселить их по многочисленным комнатам и иметь по две штуки за день... или сколько захочется. Почему именно Сэйди?

– Ты рада, что всё это твоё? – спросил Эсмонд низким, приятным и в то же время жутковатым голосом.

– Уже моё? – спросила девушка. – Я просто в восторге, но...

– А ты выбрала, в чём поедешь в «Алое крыло»? Не в этом же?

И Эс брезгливо повёл носом в сторону скромного платяща, которое сейчас было на Сэйди.

– Вон там гардеробные, если нарядов покажется мало, подкупишь потом себе ещё, – сказал Эс.

– Ооо, – уже через минуту протянула девушка.

Две комнаты-гардеробных с зеркалами и рядами вешалок, а в них – такая куча одежды, что хоть каждый день по десять раз меняй, и то всего не перемеряешь. Юбки, блузки, брюки, платья, накидки, жакеты, пальто, шубки... А бельё? Обувь? Чудесные, восхитительные, великолепные сумочки и сумки, множество ридикюлей, кошельков, шляпок, булавок, заколок и всего остального?!

– А если это из моды выйдет, прежде чем я всё изношу? – вырвалось у девушки из груди. Но мистер Эс лишь неприятно рассмеялся:

– Да хоть ни разу не успеешь надеть, какая тебе забота? Раздашь бедным или выбросишь на помойку, и тут же тебе принесут кучу другого барахла. Много красивых обёрток для моей конфетки.

– Я должна стать вашей...

– Выбери, к примеру, это, – нетерпеливо прервал её Эс.

Тут же с обитых шёлком плечиков соскользнуло тёмно-красное платье и само полетело к Сэйди в руки.

– Чулки, туфли, сумочка – всё подобрано заранее. Привыкай, детка! Условия игры превосходные, ну так получай от неё наслаждение!

– Я так и не поняла условия, – промямлила Сэйди, но её пальцы и глаза уже наслаждались волшебной тканью, такой красивой, нежной, насыщенного цвета.

У неё никогда не было подобного платья, даже одного, а тут их, кажется, висело не меньше сотни! И эту красоту предлагалось надеть без особого повода, на обычную репетицию. Она бы вышла в нём на сцену или щеголяла бы на каком-нибудь концерте, а не надевала просто так!

– Можно лучше вон то, зелёное, попроще? – сдалась она, и красное платье само собой вернулось на подбитые тканью плечики.

Зелёное и попроще село на фигуру идеально. К нему полагались лёгкие полуботинки горчичного цвета и жакет в клеточку. Оживляли эту сдержанную гамму золотистые пуговицы. А Эсмонд застегнул на шею золотую цепочку, не забыв при этом провести пальцами по позвонкам шеи до самого затылка. Это вызвало в девушке волну, поднимающуюся от самого низа живота и до границы волос, и она отодвинулась от мужчины. Всё-таки жутковатый он тип!

– Ты прекрасна, моя птичка.

– Вы хотите от меня... любви?

– Я же сказал, детка, только песни. Но сначала ты должна увидеть всё, что я тебе предлагаю.

– Зачем? – вырвалось у девушки.

– Чтобы ты не посмела отказаться, – засмеялся Эсмонд, и от этого смеха у Сэйди что-то словно провалилось внутри, в животе.

Разве дьяволу нужны какие-то условия, чтобы заполучить тело? Да ему только пальцем двинуть, и Сэйди сама поползёт на зов, и это без завтраков, шляпок, платьев и особняков. Движимая страхом, не любовью... страхом за свою жизнь. Эсмонд ведь точно дьявол, вон как соблазняет – если не дьявол, то кто он? У кого ещё на этом свете есть такие силы, чтобы враз изменить человеку жизнь?

– И я правда должна буду только петь?

– Ты видела контракт. Ты подписала его кровью, – сказал Эсмонд. – У тебя палец до сих пор кровоточит. Так для чего ты спрашиваешь?

– И всё? Раз в месяц петь для вас ту песню, которую вы выберете? Только-то?

Сэйди не могла и не смела в это поверить.

– Петь для меня, когда я захочу, и плюс к этому – одну песню, особенную, раз в месяц. Мне следовало включить в договор пункт «исполнитель не должен задавать слишком много вопросов», – сказал Эс, и в голосе его прозвучало раздражение.

Словно далёкий гром заурчал где-то за краем города.

Сэйди поёжилась и решила, что с вопросами действительно стоит завязывать. Еще ей очень хотелось прочесть повнимательнее договор, но она не осмелилась. Она только и смогла, что достать бумагу из сумки и запереть в ящик красивого новенького секретера в спальне.

Затем девушка спросила:

– Так мы уже можем поехать в мюзик-холл? Ведь у меня репетиция, а я даже не знаю, что петь.

– Ничего, тебе всё простят, детка. Ведь ты звезда, – голос Эсмонда снова сделался мягким и ласковым.

У машины он повёл себя неожиданно. Открыл перед Сэйди дверь, помог сесть... а сам не стал устраиваться рядом.

– На этом я с тобой пока прощаюсь, детка. Привыкай, осваивайся. Сегодня третье октября, Адельсайд Браун. Через месяц я навещу тебя. Какой бы ни был это неурочный час, что бы ты ни делала, детка – ты должна тут же предстать передо мной и спеть ту песню, которую я велю.

– А если я её не знаю? – задала вполне резонный вопрос Сэйди.

Эсмонд склонился к приоткрытому окошку в дверце и сказал, внимательно глядя девушке в глаза:

– Поверь, ты будешь знать. Итак, повторю на всякий случай, чтобы избежать ещё десятка-другого вопросов. Что бы ты ни делала. Если ты будешь сидеть на толчке – встанешь с него. Если будешь лежать голая с мужчиной – вылезешь из-под него. Если будешь валяться пьяной в канаве – выползешь оттуда. Как только я прикажу, ты споёшь. Иначе всё это – твой сон, твоя мечта, твоя новая работа и твой новый дом, все твои деньги, поклонники и вся твоя слава – покинут тебя. И разумеется, ты не прочитала весь контракт, поэтому напоминаю: рассказать об этом ты никому не сумеешь. Ну а теперь езжай, детка. Развлекайся.

Эсмонд выпрямился и картинно помахал Сэйди рукой.

Ей было страшно, но в то же время она ощущала необыкновенный душевный подъём. Могло ли быть иначе? Сэйди ехала в мюзик-холл «Алое крыло». Петь и танцевать. Быть звездой.

«Сияй, пока лучики не отвалились», – так говорила мама.

ГЛАВА 7. Пророчица для детектива

– Д-доброе утро, детектив Клейборн. Рада снова вас видеть в нашей с-скромной обители б-бога.

– Не уверен, что бог тоже тут ночует, – проворчал Джосс, с трудом поворачиваясь на узкой скамейке так, чтобы не свалиться с неё. – Иначе требовал бы сделать тут ложе поудобнее.

Ух, как, оказывается, затекло всё тело. Одно дело проспать тут пару часов утром, и совсем другое – провести в церкви всю ночь.

– Ваши друзья и коллеги, п-полагаю, считают вас загулявшим в б-баре? Вы часто говорите, что с-сидите там до утра? – спросила святая сестра, склоняясь над Клейборном и протягивая ему бумажный стаканчик с чаем.

Адски горячим, понял Джосс, когда уселся и принял чай из рук монахини. Где это женщина ухитрилась раздобыть такой кипяток, когда в забегаловках их раздают едва тёплыми? И чем это таким пахнет от чая?

Джосс принялся к стаканчику, раздувая ноздри, и уловил приятный аромат ванили.

– Почём тебе знать, что я не пришёл сюда спозаранку, и именно из бара, женщина? – спросил он, отхлёбывая чай и слегка морщась.

Очень, очень горячо и слишком сладко, сахару женщина не пожалела.

– П-перегаром от вас не несёт и табаком не пахнет, детектив. По-моему, вы вовсе не употребляете хмельное, – слегка насмешливо сказала сестра. – У женщин на т-такое нюх, знаете ли.

– Хм, – прокомментировал Джосс. – Слышал, именно поэтому розыскные собаки чаще всего суки. Причём беременные. Шпарь дальше, женщина.

– Одежда у вас не грязная и почти не мятая, но вот сами вы не слишком-то свежи. Если б ночевали дома и выспались, выглядели бы лучше, – продолжила монашка, ничуть не дрогнув лицом и не показав обиды за сравнение с беременными розыскными суками.

– Ну, сомнительно, я, может, не мог выспаться дома и притащил свою задницу сюда, – возразил Джосс.

– И самое главное, в-вы сказали «не уверен, что бог тут тоже ночует», – посмеиваясь, добавила монахиня. – А раз «тоже», то кто-то из нас двоих, и это не я, п-провёл ночь на цер-

ковной скамье. Удивляюсь только тому, что сторож вам это п-позволил. Обычно он запирает двери в одиннадцать тридцать, и уже не открывает. А сейчас д-дверь не заперта...

– Вскрыть этот ваш замок – задача совсем не сложная, – проворчал Клейборн, – и я повозился с ним только потому, что не хотел ломать. Кстати, у вас нет крыс. Это большой плюс. В синематографе, где я вздрёмывал на вечерних сеансах, крысы иной раз сидели в первом ряду, будто интересовались киноискусством. А теперь скажи-ка мне, женщина, что ты сама забыла в церкви в такую рань? В этих ваших монастырях что, перестали каждые четыре часа восхвалять Милорда, его Мать и Сына? Иначе зачем тебе сюда шляться?

Святая сестра улыбнулась грустной и ускользающей от взгляда улыбкой. Джосс допил чай, смял стаканчик и хотел уже бросить его на пол, но передумал, да так и зажал в кулаке.

– С этим храмом у меня с-связаны различные восп-поминания, – ответила монашка, хоть Клейборн уже и не ждал ответа. – Когда я хочу разбудить их, то п-прихожу сюда. Не все воспоминания д-добрые, но всё-таки я хочу, чтобы они были со мной.

Джосс исподволь разглядывал эту женщину. Она его интересовала. Немолодая, не слишком красивая, не яркая. Умная.

– Если тебя кто-то обидел, – Клейборн сжал кулаки, – а я думаю, что так и есть, иначе чего б тебе бежать от мира в монастырь, а от монастыря сюда... Так вот, если тебя кто-то обидел, достаточно назвать имя.

– Никто не об-бидит человека крепче, чем он с-сам, – с лёгкой улыбкой сказала монахиня. – И ни на кого он не з-злится так, к-как на себя. Вам пятьдесят лет, а вы так и не поняли этого. Готовы в-вступить, как мальчишка за одноклассницу, за женщину, которую даже не з-знаете.

– Ты меня тоже, прости, ни хрена не знаешь, дамочка.

– А в-вы так и не выяснили, как меня з-зовут, – сказала она.

– Много тебе чести, – буркнул Джосс.

Он попросту забыл о её существовании. Но вот она стоит перед ним и улыбается этой своей непонятной улыбкой, будто ангел, и раздражает одним только видом, и... Станным образом он, детектив Джосс Клейборн, грешник и убийца, почувствовал с нею родство.

Он поднялся на ноги, размялся чутко и заметил:

– Моё предложение в силе, одноклассница. Скажешь, кто заставил тебя скрываться, из-за кого ты заикаешься, кого боишься – и я совершу для тебя чудо, каких Сын не совершал ни для кого из людей.

– Вы привыкли совершать преступления, а выдаёте их за чудеса, детектив, – в голосе сестры снова послышался упрёк. – Думаете, что делаете всё для женщин, а сами даже не уважаете их.

Точно, её подослали. Хотят его расколоть. Наверно, это всё-таки проделки Гордена, надо было сразу догадаться. Но как низко с его стороны: найти бабу, заставить переодеться монашкой и проявлять к такому засранцу, как он, милосердие. Ради чего? Чтобы он оговорился о том, что совершает?

– И знаете, – сказала тем временем святая сестра, – однажды вы ошибётесь. Вы считаете себя непогрешимым карателем, но вы ошибётесь и убьёте невинного.

– Доказательства, – быстро сказал Клейборн. – Или ты дашь мне доказательства, женщина, или я начну считать тебя кем-то вроде тех дурачков-сектантов, которые полощут мозги своими лже-пророчествами. Как их там? Люди матери Ниры?

– Нира не богиня, – пожала плечами святая сестра, – и не пророчица, у нее бизнес. А у вас и не бизнес, и не секта, а исключительно личные убеждения. Всё написано на вашем лице. Не так давно вы убили из-за женщины, и собираетесь делать это снова и снова. Но проблемы так не решаются.

– Ещё ты мне будешь указывать, что решается, а что нет, – буркнул Клейборн.

По-хорошему, пора было уже уйти отсюда, прекратив бессмысленный разговор. Уйти, пока не проболтался и не дал Гордену или кому повыше чифа информацию к размышлению о том, кто тут в городе Ангел Мести. Но он не мог уйти, не оставив за собой последнее слово.

– Я всегда защищал женщин, кроме одного раза, когда не успел, – сказал детектив. – И всегда буду защищать. Однако иногда остается лишь мстить. Но если ты впрямь решила пошпионить для моего чифа или, скажем, для внутреннего отдела, то ничего у тебя не выйдет. Жаль терять тебя, ты интересный собеседник, женщина, но сюда я больше не приду.

Он прикоснулся к полям шляпы вместо того, чтобы снять её перед монашкой. Много чести для полоумной бабы, да ещё шпионки.

Её слова настигли Клейборна уже почти на самом выходе. Словно пуля в спину, ударили сзади. Без заикания, без экивоков.

– Ты придёшь, только будет поздно. Ты придёшь, когда уже совершишь ту ошибку, о которой я говорила.

Вот же настырная баба, раздражённо подумал детектив и в сердцах захлопнул дверь так, что позади что-то посыпалось. Штукатурка какая-нибудь.

В полицейском участке было ещё мало народу. Джосс вошёл, всем своим видом показывая, как он занят, утомлён и насколько не в духе, но молоденький напарник всё равно кинулся к нему с радостным видом.

– Детектив, чиф распорядился выпустить Свитхарта под залог. Говорит, пока дело ни с места, а оснований удерживать особых нет. Отпечатки не в счет, а та ранка на пальце убитой...

Джосс понял, что у него заложило уши от ненависти, когда слова Бернса словно растворились в тумане. Какого чёрта?! Подлец Свитхарт, конечно, тут уже с пару недель кукует, зря только казенную еду жрет... Но это же не повод его выпускать? Детектив развернулся к камерам – в надежде, что преступник ещё там. И едва не столкнулся с ним, с негодяем. У мерзавца был вид заплаканного слюнтяя, но разве кого-нибудь могли обмануть эти красные глаза и раскисший от соплей нос? Врезать бы сейчас по нему... Вспомнились детали убийства – красивая молодая женщина, свесившаяся с кресла безжизненная рука. Такое узкое запястье, такая тонкая шея... Изящные пальцы без колец... «Ранка на пальчике, но ранка старенькая, почти зажившая», – послышался в ушах, сквозь вату и тихий звон, голос коронера Данлопа. Вспомнился галстук с зажимом в виде черепа и гнусавый от слёз голос Свитхарта, уверявшего, что он любил убитую. Проклятье, и этого лживого засранца выпускают!

– Простите, детектив, – осторожно пытаюсь обойти Клейборна, пробормотал Свитхарт.

– Покажи документ об освобождении, – сухо сказал Джосс. – Ну? Живо!

Кристофер держал бумажку в руках, но не сразу сообразил, что от него требуется. Чуть не уронил листок, перехватил, помял, и лишь потом догадался сунуть его детективу.

Тот уставился в строки и слова – они казались бессмысленными. В голове зрел план, как обстрелять очередное дело.

– Условия выхода под залог тебе известны? – спросил Джосс бесстрастным тоном.

– Да, детектив. Простите, детектив. Я правда виноват, детектив, но... я любил Джоан. Когда мне выдадут тело, я схороню... Схороню её рядом со своей бабушкой.

– Но ты виновен, – сказал Клейборн. – Пока не доказано обратное. Кой чёрт чиф Горден тебя отпускает?

– Я не знаю, детектив, – пролепетал лживый засранец, втягивая голову в плечи.

Если б не свидетели – напарник, патрульные, охрана – Джосс, ей-богу, застрелил бы гадёныша прямо тут, настолько он бы отвратителен и жалок.

Хрустнул костяшками пальцев, скрипнул зубами.

Изобразил такое лживое, как раскаяние преступника, сочувствие.

– Тебе есть куда пойти? Твоя квартира опечатана.

– А разве нельзя...

– Увы, нельзя! – ответил Клейборн.

– Тогда к сестре, на Круговую улицу, тридцать два, – безразлично ответил Свитхарт. – Мне всё равно, куда идти.

Ну да, конечно. Всё равно. Как бы ещё сестру не угробил. Клейборн отпустил мерзавца неохотно, была б его воля – уже бы отвёл его в камеру с электрическим стулом, но нельзя, нельзя! Снова на его глазах за деньги отпускали преступника на волю. Иногда это был залог, но чаще взятка. Ага, залог, кто-то его внёс, и можно узнать – кто именно.

Но сведения были неутешительными. Дежурный показал журнал: в нём расписалась старшая сестра Кристофера Свитхарта. Заодно парень сообщил, что эта сестра была беременная и с двумя маленькими детьми. Беспокойство Джосса за женщину усилилось. Если этот унылый убийца захочет умерить боль, беременность сестры его не остановит. А он, Клейборн, повидал таких на своем веку: с плачем и криками «я люблю тебя, Мэгги!» они могли прирезать или придушить любую женщину в надежде, что это облегчит им боль от смерти той, кого любили раньше, чем эту. Или думали, что любили.

«Эту боль нельзя облегчить», – подумал Клейборн и направился на своё рабочее место. Бернс молчаливым хвостиком поспешил следом. Молчал он, увы, недолго.

– Теперь мы опросим всех свидетелей, да? – с обожанием глядя в лицо детектива, спросил он. – И родственников Свитхарта, чтобы выяснить, кто его подставил. Я бы поспрашивал у сестры, пока она была здесь, но не было полномочий. Зато было двое ребятшек, мальчики. Очень... громкие.

– Громкие дети весомый аргумент против расспросов, – проворчал Джосс. – Ну что ж! Свидетели у тебя записаны. Позвони в этот «Орден», опросим ещё разок всех свидетелей по списку. Посмотрим, что нам это даст. Не исключено, что Свитхарт уже сегодня вернётся в свою уютную камеру: можем даже попросить пока её не занимать.

– Помощница администратора говорила, что Джоан Рут Эванс раньше была простой полойкой, и вдруг стала петь на сцене! Её даже звали в театр, – сообщил Бернс. – Всего с месяц, как стала известной и бешено популярной! Тут её и этот Свитхарт заметил. А в тот день... Тогда вроде как дата этого её возвышения была. Кэтрин слышала, как Джоан пела какую-то необычную песню, а потом вдруг вскрикнула и упала. Слышно было... внизу. А соседка, мисс Китон...

– И что? – спросил Джосс, беря со стола газету и изображая, что погрузился в чтение. – Они не слышали звуков ссоры с кем-то третьим, не видели, что кто-то ещё заходил в квартиру Свитхарта. Или они умалчивают о том, что видели и слышали... Их слова совсем не противоречат моей теории, что виновен именно Кристофер, греть его матушку в душу, Уинсли Свитхарт. Понимаешь, Бернс?

– Они её и не подтверждают, – вздохнул напарник. – Но вдруг это окажется важным, когда появятся другие детали? Так ведь и складывается общая картина.

– Поучи меня тут, – прорычал крайне раздражённый Клейборн.

Милорд свидетель, этот умник доведёт его до белого каления своими прописными истинами!

– Чтобы сложилась картина и были детали, надо снова собрать свидетелей и по порядку опросить. Сейчас хорошее время: все в головах отлежалось, шок от смерти знакомой девушки у них прошёл, но в памяти пока всё свежо. Как раз, может, что-нибудь и припомнилось! И хорошо бы иметь в уме план опроса, знать, о чем спрашивать, Бернс. Ты знаешь? – спросил Клейборн.

– Я хорошо учился, – обиженно ответил Бернс. – Всё. Иду звонить!

ГЛАВА 8. Перемены в жизни Сэйди

Ах, какая же чудесная, восхитительная, волшебная настала у Сэйди жизнь! Ей всё казалось, что для неё не только проложен новый путь, но ещё и духами побрызган, и усыпан блёстками! От этого девушка даже забывала посмотреть хотя бы на пару шагов дальше, чтобы узнать, не ведёт ли сверкающая дорожка напрямик в огненную бездну. Хотя ей проще было считать слова Донни при прощании ревнивым бредом. Эсмонд не докучал ей и не требовал расплатиться душой или ещё хоть чем-нибудь. Репетиции в мюзик-холле, вечерние выступления – трижды в неделю, по вторникам, пятницам и воскресеньям! – новые лица, восторженные поклонники. Сэйди даже не пришлось много учить – оказалось, что слова песен сами слетают с губ, а руки и ноги двигаются так, словно все движения давно отрепетированы. Другие девушки в труппе, кроме разве что примы Мимозы, смотрели недружелюбно, но Мимоза взяла Сэйди под свое покровительство. Режиссёр и его помощник иногда ругались, но не слишком злобно, добавляли: «Ну ничего, привыкнешь!»

Но нескольких дней оказалось явно недостаточно, чтобы привыкнуть ко всему этому, к переменам, новшеству и блеску, к тому, что испачканное платье можно выбросить, о еде не думать, о завтрашнем дне не печалиться. И к тому, что музыка раз за разом повторяется, обрушиваясь на уши и даря наслаждение, и ты поёшь, поёшь в полнейшем упоении, и спектакль проносится, как ураган, оставляя после себя счастливое изнеможение. А потом поклонники норовят прикоснуться к тебе. К руке, к плечу, к коленке. Желают оставить поцелуй на шее или груди, обнять за талию. А ты в такой эйфории, что от любого такого прикосновения тело посылает сигналы возбуждения и заставляет сдерживать стоны. Иногда особо симпатичный счастливчик сопровождал Сэйди до спальни, но после она неизменно выставляла такого ухажёра вон и велела больше не являться. Никогда. Она сама не отдавала себе отчета, почему. Возможно, просто тоже не привыкла, что вместо верного друга Донни Шейна, никогда не посягавшего на её постель, теперь целая куча парней, не заикавшихся о дружбе и любви, зато готовых ублажить так, что потом еще несколько часов довольная улыбка не покидала губ девушки.

Как можно быстро привыкнуть к такому? Спустя пару недель после своего водворения в новый шикарный дом и, главное, на сцену мюзик-холла, Сэйди всё ещё боялась, что её глаза так и останутся круглыми от радостного удивления. А она радовалась и удивлялась, будто ребёнок, очутившийся в сказочной стране Счастья. Как же было здорово попасть в эту жизнь, о которой мечталось! И радость эту омрачали только воспоминания о том, как Донни уходил в сырую мглу. О том, какая у него была спина и какие плечи.

В конце концов, он ведь там один, подумала Сэйди одним прекрасным днём – в понедельник. Репетиций сегодня не проводили, дома было совершенно нечем заняться, небо сочилось влагой, словно губка. И вот Сэйди вызвала Питча и велела ехать обедать в «У Поджина».

– Может быть, закажете столик где попримичнее, мисс Браун? – неодобрительно спросил водитель.

Пришлось на него шикнуть:

– У Поджина лучший повар, который готовит лучший двойной стейк в мире. И вообще, куда сказали, туда и поезжай.

Питч пожал плечами и, раз уж он пришёл, подал Сэйди пальто и шляпу. И раскрыл над ней зонтик, когда девушка вышла из дома. Хотя сказать по правде, дождик был такой, что смешно разворачивать зонтик. Так, мелкая морось, от которой так уныло на душе.

Но только Сэйди решила этому унынию не поддаваться, нетушки! Она ведь хотела навесить друга. Кто знает, зачем, быть может, просто показать ему, что с ней всё в порядке, а может, сверкнуть перед ним дорогими нарядами и безделушками. Показать вот это прекрасно сшитое вишнёвое платье, которое красиво плотно облегает фигуру, и этот рубиновый кулон на тонкой золотой цепочке, и чёрное кашемировое пальто! И эту шляпку без полей, с золотым пёрышком для невесомой вуалетки, и туфли, и сумочку. Всё без исключения!

А может быть, она просто хотела увидеть Донни. И убедиться, что он в порядке и жизнь его протекает без особых сложностей. Всё там же, у плиты, в ресторане, где неплохо платят. Теперь, когда у Донни нет Сэйди, трат стало меньше...

Девушка промокнула уголки глаз платочком. Шут её знает, отчего она вдруг расчувствовалась!

В ресторане по случаю обеда было довольнолюдно, но не настолько, чтобы ждать места. Сэйди устремилась к столику у окна, к тому, который сама не любила обслуживать, хоть там и было уютно. Всегда приходилось протискиваться между местами на диванчике и столиком на шестерых. Если посетители садились за этот столик, места оставалось так немного, что только самые худенькие девушки проходили там, и исключительно боком. Но столик этот стоял у окна с видом на красивую улицу и нарядный магазин напротив, где выставлялись лучшие платья. А в праздники на деревьях развешивали гирлянды с яркими огоньками, и сидеть на этом месте было одно удовольствие.

Сэйди смерила чутьточку презрительным взором новенькую официантку. Та была куда худее своей предшественницы. И сложный путь прошла без проблем. И поднос несла аккуратно. Хотя там пока и было всего, что стакан содовой с лимоном за счёт заведения, чистая салфетка да свежее меню.

– Что-то у вас тут тихо, – заметила Сэйди. – Что, музыканты все разбежались?

– Пианист придёт позже, квартет сегодня отдыхает, а певица ушла, – поделилась официантка новостями. – Не слышали? В «Ордене» не так давно певицу убили. А там платят побольше, чем в нашем ресторане.

Сэйди снисходительно вздохнула и поманила девушку, чтобы та склонилась поближе.

– Никогда не говори таких вещей клиентам, милая, – вполголоса сказала она. – Я тут сама раньше работала, так вот – посетители могут наядбедничать хозяину, что вы распускаете сплетни и недовольны жалованьем. Я тебя уверяю, жаловаться клиенты умеют и любят. Они могут пожаловаться даже тогда, когда им всё понравилось! Поняла?

– Простите. Я тут всего неделю, – пролепетала официантка.

– На такие вопросы, как мой, лучше улыбаться и говорить «примерно так, мисс». Не стремись говорить правду, она никому не интересна. Клиент пошутил, ему интересно только собственное остроумие.

Девушка кивнула.

Сэйди взяла меню, знакомое до точки, и заказала дорогой салат «Воздушные замки», от которого раньше всегда подъедала лишь остатки. И ещё рыбное суфле с горошком, потому что оно всегда было тут свежее и вкусное. И, разумеется, знаменитый «Поджиновский» стейк, ради которого и пришла.

– Надеюсь, что мясо не от шеф-повара, а от Донни Шейна, – не удержалась она.

– Мистер Шейн и есть шеф-повар, – с недоумением сказала официантка.

– С каких это пор он шеф? – изумилась Сэйди.

Как Донни сумел потеснить своим плотным и крепким плечом самого Энди Поджина, который всегда так ревностно относился к своей должности шефа?! Да, готовил он хуже Шейна, но ведь, как ни крути, хозяином-то был именно Поджин!

Девушка только пожала острым плечиком: она не знала.

– Я тут недавно, – напомнила она. – Что будете пить?

– Бокал «Дрюоско», – слегка наморщив носик, сказала Сэйди. – Хотя нет, несите всю бутылку.

Вот так. Нечего мелочиться.

Салат возник перед нею почти сразу, рыбное суфле с горошком – спустя четверть часа. Игристое «Дрюоско», к которому отдельно полагались крошечные сэндвичи с индейкой и голубым сыром, тихо шептало пузырьками, что мясо не может быть приготовлено слишком быстро,

но Сэйди уже прискучило ждать. Она подозвала официантку и попросила, чтобы шеф непременно вышел к ней сам.

Девушка скорчила странную гримаску. Возможно, её вовсе не учили улыбаться, но Сэйди не нашла в себе желания проводить какие-нибудь уроки из жалости. Если недотёпу уволят, так тому и быть! Саму-то её этим премудростям учили по таблице штрафов! Когда за недостаточно тёплую улыбку или излишне приподнятые брови тебя тут же лишают четвертака в неделю, поневоле научишься держать лицо.

– Что-то не так, милая? – спросила Сэйди.

– Маэстро Шейн сам решает, к кому выйти, – ответила девушка.

– А я, значит, непохожа на ту, к кому бы он вышел? Вот как ты считаешь? Ну так передай ему, что его желает видеть мисс Браун, солистка театра «Алое крыло»!

На лице официантки наконец-то появилась улыбка, хотя бы с натяжкой похожая на любезную.

– Я передам, мисс Браун, – ответила девушка, и Сэйди вернулась к еде и вину.

Никакого удовлетворения от беседы она не получила. Скорее даже наоборот, ощутила укол совести. Наверно, не стоило так с девчонкой, ведь она и впрямь совсем новенькая и ничего тут не смыслит. Но раздражение быстро взяло верх над чувством вины, едва Сэйди увидела, как девушка тащит к ней свой поднос. На нем красовался двойной стейк: уже отдохнувший после прожарки, украшенный поджаренной картошкой с одной стороны и острой маринованной капустой с другой.

– Маэстро Шейн просил вам передать своё почтение. Он придёт позже. Сильно занят, – с великолепной, заслуживающей отдельных аплодисментов улыбкой произнесла официантка.

Двойной стейк даже превзошёл ожидания Сэйди. Это было произведение искусства, а не просто поджаренное мясо. Сочное, упругое, мягкое, а на вкус просто божественное! И ничего лишнего: только немного соли, чёрного перца и несколько капельпряного соуса.

Сэйди съела два или три кусочка и прослезилась. Всё-таки она сегодня была настроена сентиментально. Не успела она вытереть слёзы, как послышался скрежет мебели по полу. Донни Шейн был широковат, чтобы так уж запросто пройти мимо столика на шестерых и расставленных там стульев. Хотя у Сэйди появилось ощущение, что за пару недель повар как будто немного похудел.

Она залюбовалась его крупной фигурой. Что и говорить, а Донни всё-таки ей нравился. Он всегда был хорошим другом. Любви между ними так и не вспыхнуло, что да, то да, но зато исправно теплились ровные партнёрские чувства. Увы, только до недавнего времени!

Сейчас он отодвинул для себя стул и сел, скрестив полноватые, сильные руки на груди. Круглое лицо, ещё красное от плиты, резко контрастировало с белоснежной косынкой, прячущей тёмные волосы. Нос-помидорка слегка морщился, как будто от Сэйди пованивало.

– Ну... Здравствуй, – неловко поздоровалась девушка.

Донни не ответил.

– Ты, значит, шеф-повар теперь? – спросила Сэйди.

И снова не дождалась ответа.

– Мясо просто великолепно! – выдвинула она очередную фразу.

– Как у тебя хватило совести прийти? – спросил Донни.

– Что?

– Да. Я шеф-повар. После того, как ты ушла, Поджину позвонили. На другое же утро. Не знаю, как ты сумела подговорить на это своего дьявола-покровителя на этот фокус, но мне подсунили контракт, уже подписанный хозяином. По нему я и стал шефом.

– Это было...

– Чуть меньше двух недель назад. С той поры я и подойти не могу к пианино.

Донни посмотрел на свои руки с отчаянием.

– Некогда? – непонимающе моргнула Сэйди.

И с жалобным вскриком шарахнулась к окну, когда Донни протянул к ней скрюченные от напряжения пальцы. Он тянулся через стол, а Сэйди билась о стекло, как напуганная синица, влетевшая с мороза в комнату. Но Шейн вовремя опомнился и резко сел. На столе звякнула посуда, опрокинулся почти опустевший бокал. Люди за соседними столиками усердно ели и пили, стараясь не смотреть на эту сцену. Девушка почти физически ощущала, как при этом напряжены их спины и шеи.

– Если это твои проделки, я заставлю тебя вернуть всё, как было, Сэйди. Но если ты, как я, жертва, то можешь на меня рассчитывать, – скороговоркой произнёс Донни.

– Ты просто сумасшедший, – бросила девушка, стараясь говорить спокойно и холодно.

Да только просто ли сохранять ледяное спокойствие, если на тебя только что чуть не напали? Сэйди уже подумывала, а не позвать ли охрану, и даже немного жалела, что не сделала этого сразу, но с каждой секундой это становилось всё глупее. Тем более, что Шейн безвольно осел на стул и схватился за голову.

– Я больше не могу играть, – сказал он тихо. – Верни мне мою музыку! Или скажи ему, твоему покровителю. Пусть вернёт музыку! Лучше быть нищим музыкантом, чем...

Сэйди, чей единственный путь к отступлению был отрезан сидящим Донни, села и налила холодного игристого вина себе и ему.

– Уж извини, тебе достанется стакан от содовой, – произнесла она с кривоватой улыбкой.

Что поделать, если у неё всё так и тряслось, даже губы дрожали, а зубы, стоило их разжать, начинали выстукивать залихватскую дробь.

– Что значит – ты не можешь играть? – спросила девушка, когда увидела, что её друг постепенно стал приходить в себя.

По крайней мере, выпил немного и посмотрел на неё уже не так безумно.

– У меня не осталось музыки. Вот здесь, – Донни коснулся двумя пальцами лба, – и вот здесь, – рука парня опустилась к груди, – больше ничего нет. Я могу готовить, как бог, но мясо – это единственная симфония, которую я теперь могу себе позволить. Стоит мне коснуться клавиш, как мои руки начинают ходить ходуном, и я не могу извлечь из пианино ни единого стройного аккорда, ни одной верной ноты. Ты понимаешь, что это значит?

– Что ты подписал? – спросила Сэйди шёпотом. – Ты... ставил отпечаток пальца... кровью?

– Кровью? – поперхнулся вином Донни.

Девушка ощутила, как невидимая ледяная рука сдавила ей горло и покачала головой.

– Большого я не могу ничего сказать, – проговорила она. – Ты внимательно прочёл то, что просил подписать Поджин?

– Да! И там ничего про музыку не было! Уж не такой я дурак, чтобы не читать, что подписываю, Сэй! – сказал Донни.

Он снова начал выглядеть слегка безумно. Даже косынка со лба съехала. Волнистая прядь волос упала на лоб, перечеркнула бровь. Лицо вдруг как-то осунулось, глаза заблестели сухим нехорошим блеском.

– Я даже пробрался в кабинет Энди Поджина, когда он уехал сдавать деньги, – произнёс повар. – Хотел найти что-то, может быть, тот контракт, а может, какой-то другой... Вдруг это он продал мою музыку?

– А кому? – спросила Сэйди. – Тот человек, которого ты назвал... ну...

Она показала на свою шею, давая понять, что говорить о запретном не может.

– Я его не видел, – покачал головой Донни. – Но уверен, что негодяй стоит за всем этим. Дьявол! Сэйди, теперь-то ты веришь, что он дьявол?

Она отвернулась от друга, чтобы немного прийти в себя, и пробормотала:

– Но у меня-то всё хорошо. Разве я похожа на жертву? Я солирую в «Алом крыле», Дон, у меня всё просто прекрасно. Вот, – девушка положила на стол глянцевую визитку – черную с золотом. – Это мой адрес и телефон. Если тебе что-то надо... Деньги, жильё, или просто поговорить. Если я тебе просто нужна – пожалуйста, звони или приходи. А теперь прости, я хочу уйти.

Она поднялась с места, и Донни за ней. Протянул руку – Сэйди отшатнулась, но повар продолжал стоять, жестом предлагая поддержку и, может быть, даже сочувствие. В котором нуждался, как считала Сэйди, в первую очередь он сам!

– Донни... Я буду надеяться, что ты выберешь время зайти. У меня там два рояля и ещё куча разных музыкальных инструментов. Наверняка выберешь себе хоть один по душе да сыграешь, – сказала она.

И оперлась на руку повара. Тёплую и крепкую. Словно в мире больше не было ничего крепче и теплее, чем эта, такая родная и дружеская, рука. Но её обладатель был по-прежнему хмур и безмолвен.

– Не держи зла. Это и впрямь не я виновата, Дон, – неловко сказала Сэйди.

– Я вижу, Сэй. Теперь вижу, – мрачновато ответил Донни.

И до самого дома Сэйди ехала в тяжёлом раздумье. Теперь ей тоже очень хотелось узнать, что же такое подписал её друг. Или это сделал Поджин? Донни смог рассказать довольно много. Сэйди же даже лишнего слова не смела вымолвить об Эсмонде. Его имя душило девушку изнутри. Она не могла поделиться им, не могла сказать о нём никому. «Это ведь и в договоре было, – вспоминала она по дороге домой. – О том, что тайну контракта никому нельзя доверять. Иначе...»

Иначе смерть.

Сэйди попыталась воспроизвести в памяти текст договора и не сумела. Было ли там что-нибудь про смерть, в самом-то деле? Она не могла вспомнить. Буквы перед глазами плясали и горели скудным пламенем, будто угли. А ведь Сэйди могла бы поклясться, что всё прочла.

«Ну ничего, – сказала она себе. – Вернусь и прочитаю, ведь второй экземпляр лежит у меня дома в секретере!» Она даже нащупала в сумочке небольшой ключ от ящика. В нем-то и лежал договор.

Не то чтобы Сэйди приободрилась, нет, ей всё ещё было жутковато, но, чем дальше она уезжала от ресторана и Донни, тем смешнее ей казались эти страхи. Дьявол, договор, украденная музыка? Всё это казалось жутковатым бредом. Нельзя украсть музыку. Да и что с нею должен делать дьявол? Это не какой-то товар, не какая-то услуга, просто хорошее музыкальное образование и умение вовремя поставить нужный палец на нужную клавишу. Техника. И немного вдохновения, конечно же. У певца может пропасть голос. Но в голове его будет продолжать звучать песня. Он не перестанет слышать и чувствовать музыку. То же самое и с пианистом. Возможно, самовнушение. Он отчего-то решил, что больше не может играть. Скорее всего, так! И никакие на свете контракты не сумеют сделать такое с человеком. Вернее всего, рассудила Сэйди, уже выходя из машины, дело в расставании. Бедняга Донни слишком тяжело его перенёс. Ему и правда надо будет заехать к ней. Посмотрит, как она устроилась. Глядишь, и успокоится немного.

Сэйди даже подумала, что могла бы, в самом деле могла бы позволить ему остаться в её доме. И даже найти ему место в оркестре.

Но забыла обо всем, увидев, что у дверей поджидает Эсмонд. Он стоял с такой таинственной и в то же время жуткой улыбкой, что все мысли вылетели у девушки из головы.

Осталась только одно: страх перед Эсмондом. «Он знает, что я говорила с Донни. Откуда-то знает. И сейчас наступит возмездие за этот разговор! О, только пусть он поймёт, что я ничего не сказала! Ничего! Да и Донни... надо попробовать объяснить Эсмонду, что тайна осталась тайной!»

– Добрый день, мистер Эс, – произнесла Сэйди как можно беспечно. – Вы зашли пообедать? А я уже съездила развлекаться и перекусить! Мне попросить приготовить для тебя...

Эсмонд пошёл навстречу к ней – быстрый, стремительный, страшный. Закрыв девушке рот ладонью и сложил губы дудочкой.

– Шшш, детка. Не надо много слов. Я просто покажу тебе кое-кого, хорошо? Чтобы ты видела, что бывает, когда пытаются нарушить договор со мной. Поняла?

Сэйди не могла говорить, но кивнула.

Питч захлопнул за ними дверцу машины.

– Давай к ресторану «Орден», – сухо веле ему Эсмонд.

ГЛАВА 9. Смерть невинного

– Взгреть его в душу, этого Свитхарта, – проворчал Джосс Клейборн, водя пальцем по бумаге.

Биография администратора ресторана «Орден» была почти чистой. По крайней мере, не заляпана «слизью» и не запятнана сомнительного качества делишками. Если в ресторане и водились какие-нибудь подозрительные личности или проворачивалось что-то незаконное, то или не с попустительства Кристофера – или хотя бы не с его неосторожности. Он мог быть дьявольски скрытным или лживым, как демон... Только это не больно-то вязалось с его внешностью и поведением. Не самый честный малый, а кто сейчас честен? Но и не прожжённый жулик. Обычный исполнитель при хозяине.

Джосс потёр давно не бритый подбородок и поморщился. Щетина была именно той степени неухоженности, когда кожа под нею начинает зудеть. Дай ей чуток отрасти, и будет почти борода. Но у Клейборна не хватало на это терпения, да и потом, борода... Борода это уже примета. А ему такое ни к чему. Хорошо быть скучным пятидесятилетним мужчиной без особых примет!

Кристофер Свитхарт к таким точно не относился. Он был молод, ему едва исполнилось тридцать. Был красив и относительно успешен. Из особых примет имел разве что яркую улыбку с небольшой щербинкой между верхними резцами. Теперь от улыбки осталась лишь щербинка.

Жениться он собирался, смотрите-ка какой перец, с острой неприязнью подумал Джосс. А она кольцо-то не взяла. И он ее удавил. За что, спрашивается? Не ответила «да» с первого раза, так спроси во второй, ишь, нетерпеливый какой.

Соседка Свитхарта, что жила этажом выше, говорила, что девушка была в него без памяти влюблена. Что начала петь со сцены только чтобы ему угодить, администратору чертову. Стелилась перед ним. Отчего же не взяла кольцо?

Другая соседка, живущая в квартире напротив, слышала поздним вечером шаги на лестничной площадке, голоса, скрип двери. Потом пение. Пела убитая. Ну хорошо! Пела и пела! Скрипа двери и шагов, означавших, что ночной посетитель, сделав свое черное дело, ушел, соседка не слыхала. А могла бы, раз уж ей мешали спать. Когда тебе в ночной тишине мешают спать, ты и мышинный пук услышишь.

Услышав по второму кругу показания всех свидетелей, подтверждавших возможную невинность Свитхарта, Клейборн не выдержал и поехал в квартиру над рестораном «Орден». Хотел проверить дверь. Место убийства уже никто не стерёт, бумажная полоска над дверным замком подслеповато смотрела сургучной печатью. От двери к лестнице натекла блестящая, пахнущая машинным маслом лужица. Джосс крутанулся на месте и пролётом выше увидел выпущенного вчера под залог Свитхарта. Он стоял возле окна, уткнувшись лбом в давно не крашенную раму. И в руке держал небольшую бутылку для масла. Узкий наконечник-дозатор влажно блестел.

Клейборн закричал, подцепил пальцем уже обрывок сорванной бумажки и подвигал дверь туда-сюда. Умелец налил в дверные петли столько масла, что хватило бы утопить в нем

приличных размеров камбалу, вздумай кто жарить её на машинном вместо кукурузного. Что-то, видно, все-таки попало по назначению – дверь не скрипела.

– Но зачем? – спросил Клейборн. – Тебя заставили или что?

– Я виноват, – сказал Свитхарт. – Я убил её.

– Хочешь признаться? Пошли, – Джосс красноречиво звякнул наручниками, висевшими на поясе.

– Меня выпустили, – ответил Свитхарт безнадежно и уныло.

И вошёл в квартиру, где рухнул на кровать убитой. Лицом вниз.

– Ну что, парень, – сказал детектив, подвигая поближе к кровати единственный в комнате стул и садясь на него. – Если ты готов сделать чистосердечное признание, то идём. В участке всё расскажешь.

– Никуда не пойду, – ответил Свитхарт. – Ничего не расскажу. Убейте меня.

– Ты виновен или нет? – теряя терпение, рявкнул Джосс.

Давить на подозреваемого не следовало, но всему же есть предел! Ему уже надоели эти, взгреть его в душу, прятки с «выйду – не выйду, виновен – невиновен».

– Он появился здесь в тот вечер, – провыл в подушку Свитхарт. – Он появился, она пела ему, а потом он сказал, что так не пойдёт, что ему пришлось ждать, что у них договор – не выходить замуж. Она вернула кольцо, но он сказал – поздно. И оставил мне этот шнурок. Я сделал это, но я не хотел! Я любил Рут, я хотел на ней жениться!

– Ну так расскажи мне, парень, – сказал Клейборн.

Он ничего не понял, видит Милорд, но ему отчего-то впервые не хотелось покарать виновного. Хотелось докопаться до сути, подковырнуть самую мякоть, чтобы достать до, как там говорят в этих писаниях, драгоценное зерно Истины. Но зерно оказалось покрыто скользкой и мерзко пахнущей слизью. Если, разумеется, продолжать метафорический ряд. А если не продолжать, то Свитхарт все-таки был виновен. Ну да, его, очевидно, заставили. Но какой у этого ночного визитера был мотив? Если, конечно, Кристофер его не выдумал. Потому что и шаги, и скрип двери были, но кой черт Свитхарт облил петли маслом, и кой черт никто не слышал, как ночной посетитель ушел?

А несчастный всё молчал. И очень хотелось его как-то расшевелить.

– Послушай, Свитхарт. У меня тут кое-что не сходится. Кто приходил к твоей девчонке? – с надеждой на лучшее спросил Джосс.

И для себя уже решил, что если парень впрямь безумен, то его ведь не казнят, а отправят в лечебницу. И он останется жить, потенциально опасный для женщин. Может, даже выйдет спустя сколько-то лет. Как знать, что он сделает с той, которая откажет ему в следующий раз?

Но если вдруг Свитхарт назовёт или опишет реального человека – тогда другой разговор! Тогда можно будет это как-то раскрутить и, в конце концов, наказать обоих. Того за убийство, этого за содействие. Ишь ты, на себя вину берет, двери маслом поливает...

– Так кто? Кто это был, парень? Скажи, и мы, вот как Сын свят, казним засранца.

– Казните? В самом деле? – спросил Кристофер Свитхарт, отрывая лицо от подушки. – Казните самого дьявола?! Того, кого Милорд изгнал в огненное царство, где нет ничего, кроме боли, страха и безумных мучений на веки вечные? Скорее он казнит вас! И быть может, даже чужими руками! Может, даже моими!

– Ну а масло зачем? – на всякий случай спросил Джосс. – Дверной скрип не бог весть какая улика.

– Это он, он сказал мне пролить масло, – пролепетал Кристофер. – Чтобы все убедились, что это я виноват. Но я не виноват, я любил Джоан.

Ну вот, теперь всё ясно. Клейборн понял, что сожалеет. Но парня придётся убрать. Возможно, монашка в церкви, когда говорила о смерти невиновного, имела в виду такой вот случай, но детектив был готов на любые жертвы ради того, чтобы больше не дать Свитхарту ни

единого шанса. Он безумен, он маньяк, он убил женщину. Теперь его не остановить. Раз вошёл во вкус – пиши пропало. А то, что ему приказывают всякую нелепицу голоса в голове, это уж точно не оправдание убийце.

– Вы арестованы, Кристофер Свитхарт. Идёмте, – промолвил Джосс, поднимаясь со стула.

– Я никуда не пойду! – вскричал несчастный, вскакивая с места.

У парня был действительно сумасшедший вид. Он схватил со стола графин и замахнулся на детектива. Руки у Клейборна в таких случаях действовали быстрее головы. Пистолет он выхватил с такой скоростью, что Свитхарт даже не успел опустить графин на голову детектива, и выстрел грянул сразу же. Только после этого проклятый стеклянный пузырь бахнулся о темя детектива. Больно, но не так чтобы – во всяком случае, графин уцелел. Свитхарт рухнул лицом вниз – Джосс едва успел податься назад, чтобы тело не упало прямо на него.

Станный сдавленный звук от дверей Клейборн услышал уже как сквозь туман, но незамедлительно повернулся туда, чтобы, в случае чего, свести счеты и с поделщиком, будь он хоть трижды дьявол.

Но в открытом дверном проёме стояла молодая женщина. Соседка, опознал Джосс и опустил руку.

– Вы... всё видели? – хрипло спросил он. – Подозреваемый вскочил и ударил меня по голове. Я защищался.

Девушка кивнула. В её огромных глазах, казалось, отражалась вся комната.

– Я звоню в полицию, – жалобно, с надрывом сказала она.

– Да. Скажите, пусть захватят с собой доктора, – кисло добавил Клейборн, чувствуя, что по голове струится кровь.

И тяжело опустился на стул, где и остался в ожидании и тех, и других. Свитхарт, безнадёжно мёртвый, лежал лицом вниз.

– Не думаю, что расследование затянется надолго, – сказал офицер, вызванный на стрельбу в квартире над рестораном «Орден». – Всё чисто. Ясно, как день. Он сошёл с ума, напал, вы отстреливались. Свидетельница слышала часть разговора, подтвердит, что парень был сумасшедший, как Пан Кейк из «Рокуэлл». Успокойтесь, детектив, и позвольте доктору осмотреть себя.

– Да я спокоен, как стол, – взорвался Клейборн. – Дайте мне уйти и написать отчёт, черт вас поberi!

– Пусть сначала наш медик осмотрит вашу голову. У вас тут кровь, – офицер показал на свою голову, обозначая место, где у Клейборна была рана от графина.

– Чуток рассёк мне кожу, да и только, – прорычал детектив.

Но, раздвигая присутствующих – двоих полицейских, Бернса, который прискакал сюда весьма шустро, и коронера Данлопа – в комнату вошел старый знакомый, Стэн Рейли. Если Свитхарт был сумасшедший, как Пан Кейк из комиксов, то Стэн – как тройная порция таковых, политых кленовым сиропом пополам с безумием.

– Я вижу, тебе крепко досталось, но не так, как досталось убитому и его девушке, – кося куда-то в сторону левым глазом, сказал Рейли. – Он, кстати, настаивает, что дьявол и правда был.

– Осмотри царапину, смажь её какой-нибудь дрянью, и я пошёл, – буркнул Джосс.

– Знаешь, я раньше был классным хирургом, – вздохнул Стэн. – Тогда мне не приходилось работать по таким мелочам. Не всегда проснувшаяся магия идёт на благо!

– Хоть бы она в тебе заснула, – проворчал Джосс.

– Она пробудилась и в тебе, Клейборн, – пробормотал безумец, а затем обратился к полицейскому. – Офицер, травма действительно есть. Между прочим, Свитхарт утверждает, что не

успел врезать детективу Клейборну как следует, о чём теперь сожалеет. Говорит, что была бы у него компания.

Офицер обменялся с Клейборном выразительными взглядами и кивками.

– Цены б вам, доктор Рейли, не было, если б не ваши фантазии, – сказал полицейский.

Стэн только улыбнулся в ответ. Он не обижался.

– О, если б вы видели столько, сколько вижу я, офицер! А уж сколько правды вы бы слышали! Но молчу, молчу.

И он приложил к губам палец, показывая, что тайн не выдает.

– Кой чёрт ты опять сочиняешь, что общаешься с мёртвыми, – упрекнул Клейборн.

– Если мёртвые говорят со мной, отчего бы мне им не ответить, – пожал плечами доктор.

– Ну вот, сейчас пощиплет – и пройдёт.

Взяв пинцет, он подцепил из коробки марлевую салфетку, макнул ее в прозрачную жидкость из белой склянки и сунул всю эту пакость в гущу волос на голове детектива. Подумал, чуть склонив голову набок, другой рукой немного разобрал волосы и ещё раз промокнул ссадину. На этот раз действительно защипало, но Клейборн даже не обратил на такую мелочь внимания.

– И этот мёртвый говорит, что его убил дьявол? – спросил он, указывая на тело Свитхарта.

– Нет, его убил ты. Но этот мёртвый говорит, что дьявол убил его невесту.

– Да? А сама она, случайно, не здесь? – постепенно закипая, задал новый вопрос Клейборн.

– Она не может быть здесь, ведь её душу забрал нечистый, – как само собой разумеющееся, выдал Рейли.

– А убитый не подскажет, как звали его девушку? – поинтересовался Джосс.

Рейли снова скосил один глаз в сторону и неуверенно кивнул.

– Джо... или Джоанна. Что-то такое.

– И её якобы убил дьявол, – сказал Клейборн.

Его уже порядком трясло. Замечательно! Только дьявола-подозреваемого им и не хватало для счастья! Конечно, кто ж видел детектива счастливее, чем гонящийся за нечистым, будто средневековый святоша? Вооружиться, что ли, крестом и серебряным половником, или чем там святой Джонатайя посрамил отца зла?

– А что ж тогда живой Свитхарт настаивал, что виновен? – спросил Джосс нехорошим голосом.

– Так он боялся! А вот как умер – ему бояться стало незачем, его-то душа небось отправится дожидаться Справедливого суда, а не попадёт в рабство к дьяволу, – сказал Рейли и перекрестился. – Свитхарт тебе даже благодарен за...

И тут Клейборн достиг точки кипения. В жизни, кажется, так не орал.

– Чтобы я больше этого докторишку не видел! Вызывайте кого угодно, только не этого шарлатана! Знать его больше не желаю! В другой раз упеку за противодействие следствию! В душу взгрею, стулом по голове осчастливорю! Ч-чёрт...

В темя словно воткнули железнодорожный костыль. Неужели такая маленькая ссадина – и может так дико заболеть ни с того, ни с сего? Клейборн упустил момент: доктор Рейли прижал к груди свой саквояж и удрал восвояси.

– Попадись мне ещё! Взгрею в душу, – прорычал детектив ему вслед.

– Придётся вам обратиться в государственный госпиталь, – сказал офицер. – Если будет разбирательство по поводу застреленного – вам лучше заготовить для него официальную справку о том, что убитый на вас напал и было ранение.

– Сам знаю, – буркнул Клейборн и пошёл звонить из уличного телефона-автомата Сэму.

Тот даже ворчать не стал – кажется, новость о том, что Свитхарт признался, сошёл с ума и застрелен, его немножко пришибла. Велел немедленно отправляться в участок, сдать оружие и жетон, затем в больницу.

Что ж, тут уж не до нежностей. Клейборн пропустил приказ о сдаче инвентаря мимо ушей и поплёлся в госпиталь в сопровождении прилипшего к нему намертво Бернса.

– Могу я вам как-то ещё помочь, мистер Клейборн? – спросил парень, когда проводил своего напарника до приемного покоя.

– Можешь свалить отсюда и до утра не являться мне даже в дурных снах, – ответил Джосс. Он был вполне искренен: ему никого не хотелось видеть.

ГЛАВА 10. Последняя песня монахини

– Куда мы едем? – спросила Сэйди.

– Сначала туда, потом сюда, – уклончиво ответил Эсмонд. – Питч, поворачивай к ресторану «Орден». Вернее, за ресторан, понял?

– Да, мистер Эс, – ответил водитель, – понял, мистер Эс!

Машина подъехала как раз в тот момент, когда из подъезда с задней стороны дома выносили тело. Эсмонд потер рукой об руку, словно был очень доволен.

– Проезд закрыт, – сообщил им молодой патрульный в новенькой серой форме, но Эсмонд только улыбнулся и вышел из машины.

Помог выбраться и Сэйди – она опиралась на руку своего спутника, потому что ноги её почти не держали.

– Нам ведь сюда нельзя, – прошептала она.

Но никто её не слушал!

Патрульный вдруг взял под козырек, двое мужчин, что несли носилки с трупом, остановились и кивнули Эсмонду. Тот разулыбался ещё шире и поманил к носилкам Сэйди.

– Подойди сюда, детка. Смотри!

Тело было закрыто серой непрозрачной клеенкой, и Эсмонд спокойно сдёрнул её в сторону. Сэйди почти сразу зажмурилась. Но всё-таки успела увидеть и кровь на рубашке мертвого мужчины, и бледное лицо. И выражение на нём – выражение безумного горя.

Тут полицейские очнулись от морока, наведенного на них демоном. Один офицер, постарше других, сурово заявил, что не потерпит здесь штатских.

– Всё-всё, мы уходим. Простите, ошиблись дверью. И двором, кажется, тоже, – фальшиво засмеялся Эсмонд и крепко взял Сэйди за локоть.

Руку пронзила резкая боль, от которой девушка немного опомнилась. Как же так? Она только что увидела труп и не упала в обморок, не заплакала и не умерла сама от ужаса. Только ноги стали ватными и в голове сделалось пусто.

А Эсмонд, её мучитель и покровитель одновременно, сунул девушку в машину, будто пакет с продуктами, и приказал Питчу ехать к дому мисс Браун.

Пока водитель выворачивал на проезжую часть, Эсмонд с удовольствием, добродушно сказал:

– Если бы некая Джоан Рут Эванс не забыла, что должна спеть мне, она была бы жива. А этот парень всего лишь был рядом с нею, ну а потом начал болтать лишнее. Вина его не так глубока, как вина Джоан. Поэтому, как видишь, он умер легко: всего лишь один выстрел, и парень на том свете. Джоан было страшнее и больнее. Так вот, детка моя, милая, сладкая детка! Я нынче очень добрый и хочу, чтобы ты не ошиблась. Хочу, чтобы ты не болтала с другими людьми обо мне, хочу, чтобы не провоцировала тех, кто как-либо может быть с тобою связан, на такие разговоры. Ты сегодня здорово рискнула жизнью своего друга...

Эсмонд сделал эффектную паузу. Сэйди едва не схватилась за сердце. Оно так мучительно колотилось в груди! Казалось, рёбра трескали от этого стука. Друга! Неужели Эсмонду

известно не только, что она встречалась сегодня с Донни, но и о чём они говорили? И неужели она в самом деле рискует не столько собой, сколько Донни?

Конечно, сегодня они снова плохо расстались, но ведь это всё равно тот же самый Донни Шейн! Милый, добрый, несуразный, верный...

– Но он же не заключал никакого контракта, – пролепетала Сэйди. – Он не подписывал договор!

– Достаточно того, что он связан сразу с двумя людьми, которые подписали, – невозмутимо ответил Эсмонд. – Ты нынче сумела выяснить, что твой друг – условие в другом контракте. Ты хотя бы представляешь, каково ему быть таким условием? Ну так послушай меня, детка. Я редко кого предупреждаю – и ты одна из таких. По крайней мере, до той поры, пока мне интересно слушать, как ты поёшь и забавно играть с тобой. Цени это, поняла?

Он повернулся к девушке и взял её за подбородок. Сэйди беспомощно глотала слёзы, глядя на Эсмонда, а тот ласково улыбался.

– Те, кто соблюдает все условия, живут долго и счастливо, – сказал он, словно провозглашая благую весть. – Вот погоди, я тебе однажды покажу и таких! А пока... Питч, стой!

Спокойная речь вдруг оборвалась жутким рычащим приказом. Пальцы Эсмонда на подбородке Сэйди разжались за секунду до того, как машина резко затормозила. Девушку мотнуло в сторону. Она ударилась о стекло головой, но дьявол не обратил на это внимания.

– Какая удача! – радостно каркнул он, выскакивая из авто. – Ах, какая удача!

Сэйди уже обрадовалась, что её оставят в покое, но не тут-то было! Эс нагнулся, заглянул внутрь, протянул руку девушке и сказал:

– Пожалуйста на выход, мисс Браун. Тут у нас редкий случай уклонения от выполнения контракта, и я этот случай наконец-то нашёл! Ну? Живо за мной!

Последнее слово прозвучало так, что у Сэйди сердце будто провалилось на дно живота. От ужаса девушка съёжилась на заднем сиденье. Ну а Эсмонд, видимо, и правда спешил – он оставил свою жертву в машине, даже не захлопнув дверцу, и пропал.

– На вашем месте, мисс Браун, – сказал Питч, – я бы всё же отлип от сиденья и пошёл за ним. Подумайте о том, что вы можете потерять! Так что на ВАШЕМ месте...

– Милорд милостив, – резко ответила Сэйди, – и вы пока что на своём месте.

Она одновременно злилась на водителя и боялась Эсмонда. Но тем не менее боялась она не только за себя и Донни! Страшно было потерять ещё и ту восхитительную, сладостную жизнь, которой она жила. Мюзик-холл, новый дом, спектакли, первых, но уже настырных поклонников. Она ведь не могла закончиться, едва начавшись? Потерять место на сцене, море блеска, аплодисменты... и музыку. Оборвётся ли её жизнь насовсем или сделает поворот обратно в нищету? Это было одинаково страшно. И всего ужаснее будет оказаться в живых, но без единственной поддержки в лице Донни Шейна.

Именно этот страх заставил девушку выбраться из тёплого и надёжного нутра машины наружу – в сырой день, близящийся к вечеру, в холод и морось.

Ветер подхватил подол плащика, проник под юбку, облапал коленки и, довольный, помчался дальше по Сайленс-лейн. Никогда ещё Сэйди так не хотела бежать следом – подальше отсюда. Но впереди она видела спину Эсмонда – он шёл быстро и не оглядываясь – и заторопилась за ним.

Она почти нагнала Эсмонда, когда, наконец, увидела, кого он преследует: монахиню. Тёмно-коричневое платье длиной до середины голеней, плотные чулки, грубые башмаки... Белый чепец скрывал волосы. Когда монахиня обернулась, Сэйди увидела немолодое бледное лицо и бескровные губы. В переулке больше никого не было. С обеих сторон только глухие заборы – даже церковь и пара домишек уже остались позади. Дальше, насколько помнила Сэйди, их ждал тупик в виде забора небольшой ковроткацкой фабрики. Бетонная ограда с двумя выступами образовывали нишу, в которой скрывалась вечно запёртая дверь – здесь

когда-то любили собираться подростки после воскресной службы, перекинуться несколькими словами, назначить свидание, выкурить с подругами по папироске, а то и глотнуть кислого вина. Непонятно было только, куда тут шла монахиня. Вряд ли не знала, что выхода из тупика нет.

– Эс, – окликнула Сэйди. – Зачем мы здесь?

Голос её прозвучал неожиданно гулко и звонко. Высокие стены, кирпич и бетон – тупик был подобен колодцу. И отражал звуки, подхватывал, нес куда-то ввысь. Словно передавал с грешной и грязной земли прямо в уши ангелов.

– Доброго вечера, мисс Бетти, – сказал Эсмонд. – Хорошая здесь акустика, да? Вот я привёл вам новенькую – пусть послушает, как вы поёте... в последний-то раз.

– П-простите, я не намерена п-п-петь, – монахиня заикалась, и Сэйди подумала – от страха. – Я б-больше не могу п-петь, но вы не п-принимаете это в расчёт... В-ведь верно?

– Верно, мисс Бетти Глен.

– Я б-больше не Бетти Г-глен, – ответила монахиня. – Я всего лишь... с-смирная овца божия.

– Бетти, детка, вы просто овца. Смирения и святости в вас никогда не было. Я отлично помню и как ваши милые ножки лет этак двадцать назад обвивали моё тело, и как вы стонали подо мной. Я ничего не забыл. И ничего не простил!

В переулке повисла страшная тишина. Как назло, никто не проходил мимо. Никто даже в церковь не шёл! Сэйди, чуть не плача, огляделась по сторонам, ища убежища или помощников, но тут было так пусто! А вот монахиня уже ни на что не надеялась. Она не озиралась и, кажется, больше уже даже не нервничала. На Эсмонда она смотрела, как дуэлянт на своего противника. Ясными и бесстрашными глазами.

Сэйди вцепилась Эсмонду в рукав. Она боялась, что сейчас этот дьявол – или кто он там – убьёт женщину прямо на месте. Но Эс нетерпеливо стряхнул девушку с руки.

– Стой спокойно, детка, слушай и смотри. Вы задолжали мне песен за двадцать с лишком лет, мисс Бетти. Сегодня как раз время платить. О, не бойтесь, я возьму с вас только одну песню, на ваш выбор. Как удачно, что я ехал мимо! Остроумно с вашей стороны прятаться в церкви, да? Так зачем вы выползли оттуда, мисс Бетти, если не для того, чтобы спеть здесь, в этом колодце?

Монахиня посмотрела вверх.

– Ты п-прав, – произнесла она спокойно. – Но знаете что? Поди ты к чёрту, Эсмонд! Я спою – но только моей души тебе не видать. Контракт будет разорван.

– Каким же образом? – издевательски засмеялся дьявол.

– Очень п-простым, – ответила Бетти. – Я помню текст д-договора наизусть. О нем д-должны молчать обе с-стороны. А ты отнюдь не молчишь. Ты говоришь о том, что я з-задолжала вам, открыто и при с-свидетельнице. Или ты не с-с-собираешься оставлять её в живых до её главной песни? А может, ты хочешь умереть за меня, девочка?

– Не стоит говорить лишнего, мисс Гленн, – угрожающе проворчал Эс.

А затем повернулся к Сэйди, и в глазах его полыхнуло пламя Ада. Девушка попятилась, запнулась и упала, пачкая плащ и юбку сзади. Но сейчас ей было не до пятен на одежде.

– Я... Мист... Ми... Эс! – у Сэйди даже слов не подбиралось, рвались из груди только их жалкие обрывки!

– Пока она поёт – пускай живёт, – сказал Эсмонд монашке. – Ты ведь не будешь прятаться от меня по монастырям и церквям, да, детка? – снова обернулся он к Сэйди. – Эта милая дама ухитрилась скрываться несколько лет, и теперь мне придётся её проучить... Но ТЫ же не будешь? Нет?

Сэйди замотала головой.

– Ну вот и умница, детка. Всё, урок закончен, мне ни к чему ещё больше пугать тебя, а то ещё потеряешь свой голосок. Иди в машину и жди меня. Вспомни о том, что завтра репетиция, что скоро большой концерт... Иди и думай о хорошем, а мы с Бетти тут немного потолкуем.

И Эсмонд вдруг захрустел пальцами. Этот звук окончательно привёл девушку в чувство.

Думать о хорошем! Сэйди с трудом сглотнула и попятилась. Сейчас она могла думать только о том, где бы скрыться. Затем, видя, что никто ее не держит, развернулась и побежала. Слева она увидела приоткрытую дверь церкви и решила, что лучшего места, чтобы спрятаться от Эсмонда, нет. Захлопнув её за собой, девушка прижалась спиной к шершавой створке. И вдруг услышала с улицы пение. Такое прекрасное, словно пел ангел! Других сравнений в голову Сэйди не пришло. И она представила, как немолодая женщина в монашеском одеянии поёт дьяволу – поёт, гордо выпрямившись, не закрывая глаз и не заикаясь. Она пела гимн «Люби его, он умер за тебя», и легко было вообразить, как грязные стены закоулка раздвигаются и становятся похожими на стены собора...

Дрожа и плача, Сэйди стояла здесь, у порога храма, долго, достаточно долго, чтобы у неё затекли ноги и заболела спина. Пение давно смолкло, и Эсмонд наверняка уже ушёл. Только девушка боялась, что он может появиться в любой момент. Но всё-таки надо было уходить. Вечно прятаться не имело смысла.

Тихо-тихо она отворила дверь и высунулась наружу. Вечерело, пахло сыростью. Было довольно тихо – только капала откуда-то с высоты вода в лужицу. Звонко, негромко, отчётливо, ритмично. Кап. Кап. Кап... Сэйди вышла, ступая на цыпочках, чтобы не стучать каблуками, и медленно пошла в темноту. Зачем она туда шла? Она и сама не знала. Сердце сжималось от ужасного предчувствия, и, казалось, что, раздайся поблизости громкий звук – оно разорвётся. Но слышались лишь далёкий шум автомобилей с улицы да размеренное капанье.

Кап. Кап. Кап. Словно метроном отбивал чёткий ритм. «Храни его привет в руке дрожащей... Люби его. Он умер за тебя», – повторялось в голове Сэйди раз за разом. Так бывает, когда песня привяжется. И она привязалась очень некстати, подчиняясь ритму капающей откуда-то с крыши воды.

Дойдя до конца тупика, девушка увидела темную бесформенную кучу, тонкую белую руку в белоснежной манжете, маленькое серебряное распятие на обвивающей запястье цепочке. Крест лежал в луже, куда падали одна за другой звонкие капли.

Сэйди резко выдохнула сквозь плотно стиснутые зубы, а затем развернулась и бросилась бежать, больше уже не заботясь о том, чтобы не цокать каблуками туфель по мостовой. Ее сердце билось куда как громче! Она страшно перепугалась, когда столкнулась на улице с каким-то прохожим, но он, кажется, растерялся не меньше, чем сама Сэйди. К счастью или нет, но Питч всё это время терпеливо ждал неподалёку, зачем-то вытирая руки тряпкой. Девушка, трясаясь, влетела в машину и захлопнула дверцу. Ничего не спрашивая, водитель мягко тронул авто с места.

ГЛАВА 11. Проклятая сырость

Клейборн вышел из здания больницы уже вечером. Про себя он проклинал все «народные» и государственные медицинские учреждения разом. Если б не необходимость оформить травму на службе по всей строгости – пошёл бы лучше в маленькую тихую клинику, где просто отлежался бы спокойненько пару часов. Хуже этих «народных госпиталей», наверное, только церковные, где вместо желудков стараются промывать мозги, а вместо лекарств кормят проповедями. В общем, на душе было мерзко, а в голове гадостно даже после этой больницы, где не водилось проповедников. Ещё там не водилось хороших врачей, симпатичных медицинских сестёр и вообще хоть чего-то хорошего. А ведь надо же человеку на грани срыва или даже смерти хоть чему-то иногда возрадоваться! Да-да, в том числе на хорошеньких молодых сестёр,

потому что видеть милое юное личико или чётко очерченную халатиком грудь – один из верных шагов к выздоровлению и телом, и духом.

Клейборн встряхнулся и подумал, что неплохо было бы выспаться. Несчастный Кристофер Свитхарт не шёл у него из мыслей, но это ещё полбеды. Другая половина была в том, что выспаться как следует дома он не мог. Всё ему чудились наползающие из углов тени, а не то – стреляющие из разных укромных и потаённых мест негодяи. На самом деле в квартирке детектива не было особо потаённых мест, где негодяи могли бы скрыться и сидеть там в засаде. Но, тем не менее, Джосс их воображал.

Святая сестра и её храм, вот что было нужно. Поговорить с нею, поспать на жёсткой скамье – вот к чему определённо лежала душа Клейборна. Тихий голос и миловидное лицо, умные речи и участливый взгляд – да и чего уж там, просто интересная женщина, сидящая рядом. Встреть он такую лет двадцать-тридцать назад – схватил бы на руки и потащил бы к священнику, чтобы немедленно жениться. Хотя как знать, быть может, она в пору молодости ещё не нажила особого ума. Тогда была бы просто привлекательна и не слишком проницательна.

Сказать честно, тридцать лет назад Клейборну было достаточно, чтобы у женщины было не слишком страшное лицо, упругая грудь и какие-нибудь ноги, ну и чтобы между ними нашлось удобное теплое отверстие, подходящее для его дружка. Непритязательный он был юнец! Сошла бы хоть какая-нибудь женщина, лишь бы не больная и не уродливая.

Без удали и удовольствия вспоминая своё прошлое, Клейборн дошёл до храма пешком, упрямо противясь и слабости в ногах, и боли в голове – действие лекарств уже заканчивалось, и ему становилось хуже. Едва детектив свернул к переулку святой Джанин, что между Розен-стрит и Сайленс-лейн, как его чуть не сбила с ног перепуганная девица. Столкнулась с ним, всхлипнула и, не извиняясь, побежала к проспекту. Клейборн обернулся и посмотрел ей вслед. Девушка бежала неровно, иногда спотыкаясь или сбиваясь на быстрый шаг. На светлом плаще сзади отпечаталось большое грязное пятно, но, несмотря на это, одежда у барышни была неплохая.

Нарядная, но не шлюха – вот что успело ухватить сознание. И пахла девушка хорошими духами, только слишком сладкими. Однако бежала она так, будто увидела что-то страшное.

«Дьявола!» – сердито подумал Клейборн. Девицу на углу ждала машина – черная «Мистика», и опытный взгляд детектива сразу устремился к номерному знаку. Проклятые осенние сумерки крали цифры и буквы, и Джосс успел различить лишь Т да две тройки, прежде чем автомобиль стронулся с места. Затем Клейборн продолжил свой путь, но уже опасаясь неведомо чего. Девушку могли напугать какие-нибудь бандиты или хулиганы, она могла убежать от пьяного любовника, да мало ли кто пытался обидеть её в этом глухом переулке. Церковь стояла тёмная и безмолвная, а дальше, за нею, начинались какие-то совсем уж непонятные дома. Странно, что раньше Клейборн не особо обращал на них внимание. Да и сейчас не хотелось, но...

Но ведь он был клятый Ангел Мести. И вместо того, чтобы войти в храм, где, как надеялся Клейборн, ему снова встретилась бы монахиня, он углубился в глухой и тёмный тупик. Пистолет был при нём, как и полицейский жетон – так и не сдал нынче из-за того, что сдвинулся устоявшийся распорядок дня. Между прочим, зашёл бы в участок – лишился бы и того, и другого, ибо нечего палить по подозреваемым почём зря. А офицер отчего-то прозевал этот факт и отпустил Джосса Клейборна ко всем чертям собачьим, лишь бы не путался возле трупа. Естественно, халатность, но так уж и быть – детектив не станет стучать на незадачливого коллегу. Хотя бы за то, что сейчас при нём есть оружие и жетон.

Приготовившись к самому худшему, Клейборн дошёл почти до конца переулка и увидел тело. Он присел возле него на корточки, уже зная, кого увидит мёртвой. Откуда-то с верхних этажей одного из домов падал скудный квадратик света – и одним углом задевал повернутую вбок голову.

Да только Клейборну не надо было видеть лицо, чтобы узнать монахиню. Та, что так и не назвала ему своё имя, лежала на боку, из-под нелепого чепца выбились волосы, в сумерках не понять, какого цвета, вроде бы темные. Джосс медленно натянул на руку перчатку и осторожно потрогал крестик, что лежал в луже. Затем убрал прядь с бледной щеки. Красивая была женщина...

– Ну как же так, греть тебя в душу, – вздохнул детектив.

Всё так же не спеша он вернулся к началу переулка и искал глазами патрульных. Поблизости ни одного наряда не оказалось, но стояла будочка телефона-автомата. Джосс, не снимая перчаток, набрал номер своего участка. Сухо позвал дежурного, вкратце обрисовал ситуацию. Позвонил зачем-то ещё и настырному напарнику Бернсу, не зря же он всё-таки все время старался рядом крутиться... Но Бернс не взял трубку. Демоны его знают, где этого мальчишку носит. А ведь было бы немного легче, окажись он тут!

Джосс даже огляделся по сторонам, словно надеялся увидеть Бернса где-то поблизости. Казалось, вездесущий напарник вот-вот высунется откуда-то из-за угла. Но никто не высунулся, и Клейборн вернулся к телу, ждать патрульных. Квадратик света, ложившийся на мёртвое лицо, погас: кто-то просто выключил лампу у себя дома. У детектива был в руке фонарик, но включать его он не стал. Так и стоял рядом, и никого не было, и только где-то вдалеке выла собака. Но, может, и не вдалеке, а глубоко внутри.

Они, наверно, могли бы стать с этой женщиной друзьями. А он даже не узнал её имени. Зайти, что ли, в церковь, помолиться за неё? А чем ей это поможет? Клейборн снова присел на корточки возле мёртвой и нажал на кнопку фонарика. И едва не выронил его, когда как следует разглядел орудие убийства. Шея женщины была перечёркнута чёрной полосой, а чуть ниже, на груди, лежал серебристый зажим в виде черепа. Улыбка его металлических зубов показалась особенно мерзкой.

Клейборн встал, хрустя коленями. Подъехала, подмигивая и подвывая, как потустороннее существо, полицейская машина.

– Задушена, – коротко сказал Джосс бессменному Данлопу, прибывшему парой минут позже на второй машине, уже без мигалок.

– Ой, надо же, какой эксперт, мог бы и меня не звать, – тут же съязвил Данлоп. – Чего с такой физиономией? Труп не видал никогда? Или подружка твоя?

– Да я даже не знаю, как её зовут, – честно ответил Клейборн. – Но можно спросить в церкви – думаю, оттуда и начнём. Монашки частенько принимают участие в жизни прихода – в храмах помогают, собирают всякие там подаяния. Вдруг там знают, кто она?

– Час-то уже поздний, кто там может быть, – хмыкнул коронер. – Разве что сторож да ангелы.

– Я всё ж найду.

– Ну зайди-зайди... Нет, что-то ты всё-таки слишком мрачный. Даже для тебя странно.

Данлоп был чересчур оживлён. И пахло от него кислятиной – видать, уже сидел в пабе после работы, надувался пивом. Эти мысли не прибавили Джоссу весёлости.

– Да не, – повторил он равнодушно. – Просто эта погода. Когда-нибудь она меня доконает. Вот уйду со службы – и перееду куда подальше от Лудигана. Сыро тут.

– Сыро, – признал Данлоп, ковыряясь над телом монахини при свете фонарей, которые держали патрульные. – Да, ты прав, старушка задушена.

Джосс поморщился. Не выносил он этого. Как будто убийство бабы становилось менее мерзким из-за ее возраста!

– Какая она тебе старушка, – буркнул он. – Давай строчи отчёт, я завезу его Гордену.

– Не изволь беспокоиться, я сам. Тебя небось ещё днём от дел отстранили, когда ты Свитхарта пристрелил, – ответил Данлоп. – Так что гарцуй домой, отлежись. Завтра, небось, попадёшь под внутреннее расследование. Хотя чего там особо расследовать, свидетельница у

тебя есть, и прехорошенькая, ранение на месте событий ты тоже получил. Кстати, как голова, не болит?

Клейборн не ответил. Не хватало ещё признаться, что болит, и получить вторую за день встречу с доктором Рейли для полного счастья. Ни слова больше не говоря, он развернулся спиной к коронеру и пошёл в сторону улицы, где мигала синим и красным полицейская машина и стоял мрачной тенью фургон коронеров. Но дотуда не дошёл – свернул влево, к тёмной боковой двери храма, приоткрытой, но увы, негостеприимной.

Постоял на пороге, повёл носом – ему вдруг почудился слабый аромат дорогих духов. Похожих на те, которыми пахло от девицы, налетевшей на Клейборна. Не то чтоб у него был особо тонкий нюх и тем более крепкая память на всякие там женские финтифлюшки, но всё-таки девушка наскочила на него совсем недавно, да ещё так удивила своим внезапным появлением, что ошибиться тут было сложно. Кто она, эта девушка? Свидетельница или преступница? Сложно представить хрупкую расфуфыренную барышню затягивающей на шее монахини галстук-боло с блестящим черепом. Но у Клейборна фантазия была хоть куда.

Он прошёл мимо чаши у входа, между рядами скамеек справа и слева, до самого первого ряда, где тяжело опустился на сиденье. На сей раз колени не хрустнули.

Откуда ни возьмись появился священник – тише мыши, темнее тени. Только узкий белый воротничок, подпиравший гладко выбритый подбородок, отчетливо виднелся в сумраке церкви. Здесь горели только свечи у алтаря. Священник сел рядом с Клейборном и вдруг сказал:

– Я буду за неё молиться. Как и за ту, что её убила.

– Почём тебе знать, кто убийца? – буркнул Клейборн. – Видел?

Священник мешал ему тосковать. Смерть любой другой бабы не тронула бы детектива за душу, очерстевшую за многолетнюю службу, но монашку было жаль. Словно хорошую знакомую, словно родную душу. И детектив сам презирал себя за это: кой черт ему тосковать по почти незнакомой женщине? Все равно, что по непрожитой жизни.

– А я давеча выглянул: девица крутилась возле святой сестры. Потом вбежала сюда, еле дышит. Постояла с часок, а может, и дольше – я в то время успел в кладовке прибраться... А потом убежала. Я опять выглянул: сестра на земле лежит, а девица эта опрометью отсюда кинулась.

– И всё? И ты никаких дьяволов не видал? Ничего подозрительного не слышал?

– Спаси меня Милорд от таких встреч, – перекрестился святоша, и Клейборну, повернувшемуся к нему, показалось, что тёмная кожа его собеседника стала серой от страха. – Слышал только, как святая сестра пела. Она редко поёт, и всегда там, в тупичке. Говорит – это её отдушина.

Пела она. Нашла, где голосить, в загаженном тупике позади фабрики. Мало ли какая голытьба там шляется?

– Почем тебе знать, что девушка пошла убивать, а не послушать, как там монашка распевает сама с собой на три голоса?

– Не на три, она одна, сама по себе, пела, – ничуть не обращая внимания на грубость детектива, ответил священник. – А думаю так потому, что выглянул – сестра лежит, а эта, пришедшая, склонилась над нею. Похоже было, что она ей карманы обшаривала, по крайней мере, насколько видно было.

– Так что ж ты не задержал её, когда она здесь была, даже не подошёл? Что ж не проверил, как там монашка? Какого чёрта ты сидел тут, святая ты башка? – заорал, не сдерживая злости, Клейборн.

Святоша отшатнулся от брызнувшей слюны, но даже руки не поднял, чтобы утереться.

– Боялся, что и меня убьют. Я болен и слаб. Мой грех, – стуча зубами, ответил он. – Мой грех...

– Твой грех – трусость, – процедил Клейборн.

Если бы святоша сказал ещё хоть слово о грехах – Джосс бы его уже даже не взгрел, а убил. Несмотря на то, что в церкви. Но священник только покивал и сказал:

– Меня зовут Бронан Эббот. Это на случай, если... Ну вы понимаете... полиция...

– А её? Как её звали, ты знаешь? – спросил Клейборн.

– Кажется, Бетти, – с запинкой ответил священник. – Она была помощницей пастора Олдроя, пока он не ушёл на покой. Да, Бетти. Полного имени не знаю. Я тут недавно, переехал из Стэнтоновского прихода.

Джосс Клейборн слегка скривился, подумывая напоследок плюнуть Эбботу на ботинки, но жаль было тратить на это такое ничтожество слюну. Выйдя из церкви, детектив ещё раз огляделся, хотя и без толку – стемнело уже настолько, что там, где не падал свет редких фонарей, было хоть глаз выколи. Да ещё снова принялся моросить дождь. А ведь начинался день с хорошей погоды!

Проклятая осень, проклятая сырость. Джосс несколько раз вытер лицо, пока дошёл до дома. Особенно глаза – от дождя их так и застило. Проклятая сырость.

Придя, он набрал номер на телефоне, даже не включив свет – ему прекрасно было известно расположение кнопок на стареньком аппарате.

– Сэм, – сказал он равнодушно. – Кой чёрт ты спишь, Сэм? Я забыл сдать пистолет и жетон, когда пристрелил Свитхарта. Прикрой меня, а?

– Да кому ты нужен, старый пердун, – огрызнулся чиф Горден. – Ну ладно, допустим, я ещё не совсем уснул. Тащи завтра свою задницу в участок с утра пораньше, часов в шесть, обстригаем как-нибудь.

– Внутреннее расследование будет?

– Думаю, да. По счастью, личность полицейского чифа, как человека, представляющего власть государства, всё ещё влиятельна – мир прогнил, но пока не до основания. Будет с тебя достаточно штрафа и выговора, Джосс. Но только знаешь...

– Чего ещё?

– Будь готов, что дело с монашкой тебе не достанется.

Клейборн поморщился. Ну что же, тогда тому, кто займётся расследованием смерти сестры Бетти, не достанется и тех крох, которые он сегодня успел собрать. Не скажет он, ни как жертву звали, ни того, что он столкнулся с девушкой в переулке. Надо будет завтра обратиться в дорожный патруль, чтобы установили, что там за авто побывало возле места преступления...

– Джосс? Ты там сам уснул? Слышишь? Это дело твоим не будет!

– Не больно-то хотелось, Сэм. Спокойной ночи.

ГЛАВА 12. Нападение

Влившись в трупку, Сэйди словно оказалась в другой жизни, причем точнёхонько в той, которой жила бы, сумей она пару лет назад пробиться на одно из прослушиваний в «Алое крыло». Это было странное и в то же время восхитительное ощущение. Она стала здесь настолько своей, что никто не смог бы сказать точно, когда Сэйди появилась в «Крыле».

Только несколько девчонок из хора портили это впечатление. Особенно одна – та, которая обожала исполнительницу всех главных ролей Мимозу. Пока у них шёл показ «Чужих людей», особых проблем с ними у Сэйди не было – ввиду двух главных женских ролей.

Но всё-таки обожательница Мимозы находила поводы для конфликтов, к примеру, наябедничала своему кумиру, что именно Сэйди на воскресном выступлении порвала её «главное» платье с перьями. И Мимоза не преминула сорваться на Сэйди, потому что спектакль получился неудачным, и каждая мелочь была пристально рассмотрена и признана одной из причин провала.

Конечно, после понедельника с его переживаниями и ужасным завершением дня все эти смешные конфликты были позабыты. Вторник Сэйди малодушно пропустила, сказавшись больной. И провела почти весь день в постели, питаясь в основном приносимым горничной кофе со сливками. Правда, она попыталась кое-что сделать: отыскать договор. Но его нигде не было: ни в ящике секретера, ни в каком-нибудь другом месте. Сэйди перерыла весь дом, докуда могла дотянуться. Тщетно: договор пропал.

В среду она всё-таки нашла в себе сил подняться на ноги и одеться. Только позавтракать не смогла. Чаем поперхнулась так, что жидкость потекла из носа, а от вида еды – сэндвичей с салатом и ветчиной, омлета, панкейков с кленовым сиропом – девушку затошнило. Да и вообще хотелось куда-нибудь удрать или хотя бы вновь зарыться в одеяла с головой... И не выглядывать по крайней мере неделю. Но телефонный звонок от помощника режиссёра, мягко намекнувшего, что замены на сегодня для Сэйди нет, заставил девушку вызвать Питча и отправиться в «Алое крыло».

Репетиция ещё не началась, но в зале уже собрались все от режиссёра-постановщика и хореографа и до самых последних статистов, и ждали только Сэйди.

– Ну вот и звезда наша, можем начинать, – приветствовал её режиссер.

Сэйди вполне могла ответить колкостью, но ей было всё равно. Начинать так начинать – это хотя бы немного отвлечёт её. Пусть на время, но она отдастся работе – музыке, танцу, свету. Партнёры будут кружить её по сцене, Мимоза станет ругаться из-за какой-то мелочи, сама она, возможно, тоже покапризничает. Так пройдёт день. Так притупится боль. Так – возможно, хотя и не точно! – уменьшится страх.

«Если ничего не нарушать и не делать ничего, что не понравится Эсмонду, то вполне можно жить и даже быть счастливой, – мелькнула поганенькая мысль. – Вполне можно избежать наказания, спастись!»

До середины дня все проходило так уныло, так мутно, что ни музыка не радовала Сэйди, ни шутки статистов, ни даже объятия партнёра, игравшего главного героя. Как певец он был очень так себе, но вокальных данных ему и не требовалось. Сид великолепно танцевал, сценарист и композитор всегда адаптировали сценарий под него так, чтобы тот большую часть своих чувств высказывал или речитативом, или телом.

Он был красив и сексуален. Всегда, когда на репетициях и спектаклях Сид брал Сэйди за руку или за талию, в девушке тут же что-то так и вспыхивало. Но сегодня она даже к Сиду осталась безразличной. Зато удостоилась очередного неодобрительного взгляда от Минди. Девушка, игравшая второстепенные и эпизодические роли, обожала Сиду, таяла всякий раз, когда он на неё посматривал – боже, да на кого только не посматривал Сид! – и терпеть не могла, когда тот с кем-то танцует. То есть почти всех, потому что он уже, ей-богу, всех девушек перетанцевал, кроме как Минди.

Отработав без особых замечаний, она решила пойти переодеться. До выступления оставалось ещё целых три часа! Надо было пообедать, а потом, после перерыва, хотя бы пару раз пропеть все свои номера. Сэйди поймала взглядом концертмейстера, который обычно заменял на репетициях оркестр.

– Майкл, – окликнула она, – ты в какое время занят?

– С двух тридцати и до четырёх работаю с Мимозой. Но ты можешь попросить помочь Уилла, – откликнулся музыкант.

Уилла... Ах да, это тот пианист, на которого жаловались статистики, что он не держит ритм и совершенно бессовестно фальшивит! Зато, конечно, он был худощавый, не краснощёкий и без носа помидоркой! При всех кажущихся недостатках внешности Донни Шейн играл в сотни и тысячи раз лучше, с досадой подумала Сэйди.

– Уилл бездарь, – вырвалось у неё.

Молодой пианист, который сидел в уголке и никого не трогал, посмотрел на девушку с обидой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.